

ВЕСТНИК

СТИНЫ

*«...нам непременно нужно
и даже должно
почаще смотреть на небо,
думать о нем, петь о нем,
стремиться туда,
если действительно для тебя
и для меня
жизнь — Христос
и если дело Его Церкви
дороже самой жизни нашей»*

*«Размышления
о вознесении»*

Я. Г. Скорняков

(см. стр. 4)

«СЧАСТЛИВЫЕ МИНУТЫ СВИДАНИЯ»

(о свидании в лагере с Д. В. МИНЯКОВЫМ — читайте на стр. 26)

Памяти
Николая
Петровича
Храпова

стр. 29

*«Кто потеряет душу свою
ради Меня
и Евангелия,
тот
сбережет ее»*

Марк. 8, 35

Благодать и истина
произошли чрез
Иисуса Христа.
Иоан. 1, 17

Духовно-
назидательный
журнал
Союза
церквей
евангельских
христиан-
баптистов

■
Издается
с 1963 года

■
Выходит
ежеквартально

СОДЕРЖАНИЕ

Богу дадим отчет.....2

ДУХОВНО-НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

Размышляя о вознесении 4
Взирая на славу Господню 8
Новая жизнь 11
«Хорошие» грешники 16
Восхищение Илии 17
Утешенная 20

ИЗ ЖИЗНИ БРАТСТВА

«Свои не приняли» 24

СТРАНИЧКА УЗНИКА

Счастливые минуты свидания 26

ОНИ СТРЕМИЛИСЬ К НЕБЕСНОМУ

Памяти Николая Петровича Храпова 29
Автобиография Н. П. Храпова 31

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Духовное пробуждение в России 34

На 3 стр. обл.

СТИХИ

Подснежники
Подарок

В Иисусе мы имеем все, в чем нуждаемся и в этой, и в вечной жизни.

В Иисусе я нашел Друга, Который приблизился ко мне, когда я был от Него далек, и Он убедил меня и овладел моим сердцем.

В Иисусе я нашел Спасителя. Когда я раскрыл Ему свое грешное сердце, Он открыл мне великую любовь Свою и искупил мои грехи Своей Кровью.

В Иисусе я нашел Защитника, Который стоит предо мной и защищает меня, когда нападает на меня сатана и хочет меня ниспровергнуть.

В Иисусе я нашел все. Да, я нашел в Иисусе все, чего мир не мог мне дать и чего давно искало мое сердце. Все это я нашел в Иисусе. Я желал бы всем, жаждущим мира, радости и спокойствия, крикнуть: «Придите к Иисусу, ибо в Нем сокрыты дивные драгоценности, которые Он дает лишь тому, кто в Него уверовал, Его любит и Ему служит!»

Богу дадим отчет

Псалмопевец Давид, вспоминая о прожитой жизни, однажды сказал: «Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня» (Пс. 15, 6). Проверив свой путь, он смело назвал каждый день жизни прекрасным. Почему? Потому что сознавал: жизнь его была полезной! Она принесла благословенные плоды для будущего. Слушайте: «наследие мое приятно для меня!» Так может сказать только человек со спокойной и чистой совестью, который не сделал ничего осудительного, не мыслил и не совершал зла. Другими словами, не видел беззакония в сердце своем (Пс. 65, 18). Разве он жил в исключительных условиях? Нет! Общий образ жизни окружал его. «Я лежу среди дышащих пламенем», — вот свидетельство его (Пс. 56, 5). Но, между тем, именно о таких людях его сердце переживало, плакало и желало им добра. Таков истинный смысл жизни настоящего праведника.

Если же случилось ему оказаться искушенным или обольщенным грехом и он падал, — он никого не винил. «Я виновен!..» — сознавал он. Если случались ошибки или согрешения, — он прямо говорил: «Согрешил я» (Пс. 50, 6). Он умел оплакать свою вину без всякого снисхождения к себе. Если же его злословили или поносили, — он ясно мыслил: «Пусть... злословит; ибо Господь повелел ему» (2 Цар. 16, 10).

Пусть образ этого человека научит и нас сегодня доброму примеру. Мы сегодня провожаем ушедший год. Каким он был в нашей жизни?

Знаю, что были дни радости, веселия. Но было немало и дней скорбей, слез, скитаний. Возможно, у кого-то были моменты, когда, казалось, никто не видит и не знает, что происходит в нашем сердце, не ведает о наших влечениях к чему-то, помыслов о чем-то, желаний. Но так ли это? Скрыли ли мы все это в надежном укрытии навсегда? Нет! Слушайте, что говорит Бог: «Знаю дела твои...» (Откр. 2, 2). «Господь знает мысли человеческие, что они суетны» (Пс. 93, 11). «Неправда их не сокрыта от очей Моих» (Иер. 16, 17). «Нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его: Ему дадим отчет» (Евр. 4, 13). Никто и никогда не сокроет помыслов своих, дел своих. То, что нам иногда удается успешно скрыть на земле, — «будет явно и открыто пред Судом». Это верно! Поэтому нам дано еще время для самопроверки и для покаяния. Даже ужасной преступнице уделено время: «Я дал ей время покаяться» (Откр. 2, 21). И только однажды будет объявлено: «времени уже не будет» (Откр. 10, 6).

Оставляя позади прожитые дни, проверим межи наших путей. Каковы они? Сколько раз проявлялось в нас недовольство обстоятельствами, сколько было ропота, обид? Не гнезилось ли недоброжелательство к тем, кто нанес нам сердечную рану или оскорбил нас?

Все это груз, который тянет нашу ладью ко дну бушующего моря. Спасая свой корабль, выбросим «своими руками груз с корабля», дабы успешно доплыть к берегам, где Ангельское пенье раздастся, встречая пилигримов земли (Д. Ап. 27, 19—20). Ни шагу вперед с этим бременем! «Свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех», — советует

освободившийся путник (Евр. 12, 1).

Если все это каждый из нас одолевает сегодня, сейчас, — мы сможем радостно переступить порог Нового года и смело пойти навстречу будущему. Только тогда в наших устах будет звучать радостная песнь:

И так иду, не зная
И не стремясь знать
Что будет, лишь желая
Путь Господу предать...

Достигнув чудной победы в сердце своем, вверив себя Богу, мы освободим наши сердца для излияния Его новых благословений. И тогда, вступив в Новый год, споем все вместе:

Твою нам, Боже, благодать
Подай в начале года,
Чтоб мудро дни нам исчислять
Среди мирского рода.
Не дай нам в скорби унывать,
Но дай всегда смиряться,
К Тебе с молитвой прибегать,
Перед Тобой склоняться.

Итак, мои дорогие родные, хочу вместе с вами разделить последние минуты старого года и первые Нового. Хочу слышать ваше дыхание, хочу ощущать биение ваших сердец ритмичным, спокойным, счастливым. Счастливым потому, что нам даровано счастье. И его необходимо хранить без повреждения. Нам дарован драгоценный Мир, Которым необходимо дорожить во всякое время. Он есть Мир наш! Слава Ему за это!

Знайте, что с того дня, как истина Слова озарила сердца наши, — мы стали зрелищем для мира. Мы стесняемы отовсюду, но Бог и в тесноте дает нам простор. Отнимают средства к жизни, а Господь и в нищете посылает достаток. Гонят нас, но при всех тревожных обстоятельствах Бог наполняет сердца

наши благодарностью и миром. Люди видят, что во всякое время есть в нас что-то «преимущественное», нежели в них. Да! Есть это преимущество. И оно не от нас. Все от Бога, Им и к Нему. Посему: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу» (Пс. 113, 9).

Находясь в узах, я свободен от многих пороков, которыми связаны грешные люди. Эти связи разорваны Христом! И пусть я лишен свободы, не совершив никакого преступления, но свобода от пороков греха облегчает мне тернистый путь. В терпении хочу нести все на меня возложенное и быть светом среди людей, чтобы не запятнать себя до конца срока; чтобы не обвинить кого-то за мои узы. Я их должен нести, они мне принадлежат лично. Каждый из нас должен нести свое бремя, и на другого не перекладывать. Придет час, когда все это будет позади.

Так хочется вместе с Давидом повторить: «межи мои прошли по прекрасным местам!» Знаю, что узы делают человека лучшим: воспитывают его, научают многому, освобождают от лишнего. Для того чтобы глина в руках горшечника была мягкой и более пригодной для изготовления изделий, ее нужно размочить, размять. Пусть это происходит в руках Горшечника надо мной! Это полезно и ко благу. Все ко благу.

Теперь, заканчивая, хочу всем пожелать новых побед, новых успехов, хорошего здоровья, спокойных, но не беспечных снов, материальных достатков, но не излишеств, сердечного мира и бодрствования. Детям всем хорошего духовного возраста, любви к родителям и послушания Отцу. Да будет имя Господне благословенно!

Я. Е. ИВАЩЕНКО

Размышляя о Вознесении

Что вы стоите и смотрите...

Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями... даже до края земли.

Они единодушно пребывали в молитве и молении...

Д. Ап. 1: 11, 8, 14

Христианской душе свойственно даже к концу каждого дня подводить итог прожитого, извлекать уроки, а тем более за год или за несколько лет жизни.

Узы — это не только боль разлуки с любимыми, лишение свободы, всевозможные уничижения, недостатки, боли, но, Бог свидетель! это еще и высокая честь от Властелина жизни: исполнить Его посольство в изобличении беззакония, в защите свободы благодетельства, в свидетельстве погибающим, в делах милосердия, любви и мученичества, подтверждающих наше свидетельство о Нем. Это личный экзамен на верность Ему в трудных условиях духовного одиночества, это хорошее время для вдумчивых размышлений и перепроверки личного служения: того, что уже осталось позади, того, что есть на сегодня, и молитвенного приготовления к тому, что ожидает нас завтра.

В пребывании в узах есть еще и много такого, что не вместить в одном повествовании. Поэтому лучше к итогу сказать: здесь точно узнаешь своим ли ты делом был занят и как исполнял его. И еще открывается то, что высказал однажды Апостол Павел при расставании с друзьями: «Я не только хочу быть узником, но готов умереть... за имя Господа Иисуса» и «я ни на что незираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще

мое и служение, которое я принял от Господа».

Вспоминаю время юности моей, когда еще ни разу не довелось мне испытать уз, я был побуждаем Духом проповедовать на тему из 6 гл. Иоанна: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни». В чем это выражается для нас сегодня и как осуществляется? — Это искреннее и благоговейное участие в вечере Господней, это личное участие в страданиях за Христа, это личное соучастие страдающим в помощь им, в защиту их всем, чем можешь. «Мы, живые, непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтоб и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей» (2 Кор. 4, 11).

Один из старших братьев, слышавших это, остался недоволен и сделал мне замечание: «Ты что так учишь? Что же мы сами должны навлекать на себя страдания?!» Тогда еще я ответил ему, как открыто мне было: «Да хоть бы мы не убежали от страданий, когда они приходят к нам, — и это уже было бы для нас честью! А пойти на страдания добровольно, сознательно, за других — это действительно уподобляться Апостолу Павлу и самому Иисусу Христу».

Это было почти 30 лет назад. Что же скажу сегодня, рассуждая об этом не теоретически, за кафедрой, а практически переживая узы и все связан-

ное с ними? Да, истинно блажен тот, кто, сознавая, что это очень нелегко для тела и для души, все же не чуждается страдания как приключения странного и страшного. И еще более блажен тот, кто сознательно и добровольно, с радостью участвует в страданиях Христовых за Его имя, за Его дело, за свободу Евангелия, за спасение погибающих! — Велика награда его (всякого и всякой сохраняющих верность Ему до смерти и не идущих ни на какую нечистую сделку со своей совестью, с грехом, с миром, с дьяволом ради некоторых мнимых благ жизни земной)! Но мы все, являясь членами одного Тела и идя одним путем, не можем быть заняты одним и тем же делом, и при всем желании не можем быть одинакового духовного возраста и внутреннего состояния. И каждому из нас очень важно: **делать свое дело** и стремиться к высшему, а всем вместе — быть единодушными в молитве и молении, в наполнении одним Духом и в жертвенном служении Друг для друга с любовью.

Время от воскресения Иисуса Христа и до Его вознесения насыщено важнейшими уроками, и не только для первых учеников Господних, но и, для нас, последних христиан. Каждое слово, сказанное Иисусом Своим ученикам, — это слово, сказанное и мне и вам; каждое дело, сделанное Им для них, — это и для меня и для вас. Они плачут и рыдают, расставшись с Ним, — Он, воскресши, являясь, утешает их. Они, сомневаясь и ужасаясь, впадают в уныние, разочарование, неверие, — Он зажигает сердца их, позволяет приблизиться к Себе и не только рассматривать, но и осязать Себя, открывает им ум к разумению Писаний. Они самовольно возвращаются к прежнему своему занятию, — Он призывает и вразумляет их снова, дает им поручения, обещания и власть Свою. Они, все еще не разумея вели-

кого и вечного, наполнены вопросами сегодняшнего удовлетворения — Он останавливает их строгими словами: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти», и еще раз открывает им подлинный смысл их жизни: «...даже до края земли» и конечную цель их ожидания: встречу с Ним таким же образом, каким видели Его восходящим на небо.

Не говорит ли Он нам сегодня то же самое? Не напоминает ли через это слово, может быть, самое нужное сегодня для нас, каждому свое? Да, не совсем по порядку поставлены в начале стихи из первой главы Деяния Апостолов. И не потому, что не знаю этого. Нет, так нужно сегодня.

«Что вы стоите и смотрите на небо?» В ответ, пожалуй, можно бы Ангела спросить: «А разве нам не нужно или нельзя смотреть на небо, тем более, что туда ушел наш любимый Христос? Сердцем я в небе обитаю и тоскую о нем». Нет, нам непременно нужно и даже должно почаще смотреть на небо, думать о нем, петь о нем, стремиться туда, слагать и рассказывать стихи, если действительно для тебя и для меня жизнь — Христос и если дело Его Церкви дороже самой жизни нашей.

Но не наше дело **стоять** и смотреть, в то время как Он говорит: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы **шли** и принесли плод, и чтобы плод ваш пребывал». Он поставил нас, чтобы мы шли и с мыслью о небе делали дела Его на земле, чтобы люди видели наши добрые дела, а любовь, и верность, и ревность, и честность, и святость, и жертвенность и прославляли Отца нашего Небесного! Совсем не наше дело **стоять** и смотреть на небо, то есть заниматься бесплодными думами и подсчетами: в каком же году, месяце и дне снова придет Христос и наградит нас за терпение наше и труд и со-

вершит справедливое возмездие над нечестивыми насмешниками и злыми гонителями, а нас посадит по правую и по левую Свои стороны для царствования.

Наше дело, видя сбывающимся всякое Слово Его о последнем времени, быть особенно бодрствующими на всякое время, чтобы, когда придет Он и постучит, быть готовыми, и тотчас отворить Ему, и не остаться в числе неразумных дев без масла в сосудах и с погасшими светильниками. Вот наше дело: вслушиваться и разуметь слова Его с неба: «Будьте же готовы, в обуви на ногах ваших, с чреслами препоясанными, с горящими светильниками, со щитом веры и мечом истины в руках», и каждодневно, ежедневно сверять жизнь свою с 12 гл. Луки и 6 гл. Ефессянам.

В день Вознесения Ангелы говорили: «Что вы стоите и смотрите на небо?», а сегодня, (если кто только слышит голос их) они говорят: «Что же вы все взоры свои, и мечты, и заботы, и силы направили на землю и меньше всего смотрите на небо и думаете о нем?» Разве не так же проходит жизнь людская сегодня, как и во дни Ноя и Лота? Во всем перечислении людских занятий отметил ли Иисус хоть одно небесное, а не земное?

Когда-то читал я (кажется, про испанского короля Карла) такое: один из придворных обратился к нему и сказал: «Ваше величество, посмотрите, какое замечательное небо, какая чудесная погода», а король ответил: «У меня столько дел на земле, что некогда смотреть на небо». А в прошлом году одна из сестер написала мне подобный же случай: «Как-то шли мы с начальником почты во время работы, я говорю ему: «Посмотрите, какое чудесное небо, какая прелесть», а он с раздражением ответил: «Что ты мне напоминаешь о каком-то небе, когда у меня дел

земных выше головы и я не успеваю и не знаю, как их все вовремя сделать!» Так это же люди мира сего, малые или великие! Но не то ли происходит со многими, носящими имя христиан, звание небесное?

О небе поют и играют
И сладко стихи говорят,
А сердцем в земле обитают,
Дела лишь земные творят.

И не потому ли говорит Иисус: «Смотрите... чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно: ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному?» И об этом приведу несколько кратких примеров.

Когда я освободился из первого заключения, приехали мы с женой, встречавшей меня, на вокзал областного города (лагерь был в 12 км. от города). Поезд наш уходил поздно вечером, и я говорю ей: «Пойдем искать верующих, истосковался я по общению с детьми Божиими». Несколько часов проходили по улицам, спрашивая! (Видно, так «мудро» верующие «светили» в этом городе!) Часов в пять вечера нашли. Встретили нас очень осторожно, чуть ли не паспорт спрашивали. Потом все же собрались. Беседовали, молились и много пели, больше о небе. И я их спрашивал тоже. Оказывается, они не только не знали, что рядом с их городом в лагере братья-узники были, но они даже собрания перестали проводить, а на воскресенье, на праздники уезжали кто куда: в районы, в села. Один из них, пожилой уже брат, без ноги, спросил меня: «А как там, в узах, пенсионеры живут?» От всего увиденного и услышанного у них так сердце мое было полно, что, может быть, несколько резко сказал: «Брат, вы так хорошо поете и играете о небе и седой уже, и инвалид. Неужели вы думаете, что пенсионерам в лагере

жизни нет? Их кормят непременно, хоть и не курортной пищей, одевают и дают постель и даже работать не заставляют. Может, единственное неудобство, что пенсию там не начисляют и не приносят».

«Смотрите же за собой, чтобы сердца ваши не отягчались...» Вот сейчас, в эту минуту – куда направлен взор духовных очей ваших: на небо или на землю? О чем мыслите: о горнем или о земном? Наблюдаете прежде за собой или за другими? Чем больше всего занято сердце, чем отягчено: язвами Иисуса Христа или чрезмерными заботами, стремлением к обогащению, чтобы не отстать от людей мира сего и даже перещеголять их? Тоскует ли оно от духовного бессилия, мучается ли мучением Павла о неверующих, погибающих сродниках, о народе своем, о разлагающемся мире? Или горит в огне зависти, себялюбия, раздоров, искания своего?

Признаюсь перед Господом, мне не хочется повторять одно и то же одним, и вторым, и третьим, но куда уйти от этого, если Он побуждает? Как закрыть глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать всего происходящего и молчать? Действительно ли каждая христианская семья, каждый член церкви довольствуется в жизни самым малым, насущным и необходимым, а все остальное время, силы, здоровье и средства – все посвящает на служение Богу, на свидетельство погибающим, на личное и церковное освящение, на приготовление к восхищению?!

Апостолы и вся первая Церковь при вознесении Иисуса не оспаривали Слов Его, не возражали Ангелам, им говорившим. Они поняли, согласились, приняли с радостью. Это подтвердили они своими последующими действиями: «Они же, выслушавши, возвратились с радостью и единодушно пребывали в молитве

и молениях» до тех пор, пока дождались того великого раннего Дождя, Огня с неба, Утешителя и Наставника, Духа не боязни, но силы, любви и целомудрия!

Как мы относимся и чем подтверждаем слова Иисуса и ангелов Его, обращенные к сердцам нашим сегодня: «Что вы стоите и смотрите на небо?» Если вы приняли силу, когда сошел на вас Дух Святой, то как действует свидетельство ваше на окружающих? И распространяется ли свидетельство Божье через нас от города к городу, от села к селу, от дома к дому, от души к душе и даже... до края земли?

Беден язык мой, чтобы передать все волнующее до глубины сердце мое и о себе, и о вас, возлюбленные во Христе друзья, юные и старые, семейные и одинокие, рядовые и служители, певцы и музыканты, стихотворцы и проповедники! Да видит Господь, да совершит и да исполнит!

Великий Дух Святого Бога,
Покрой нас, жаждущих с земли,
Чтобы к небесному порогу
Твоею силой мы дошли,
Чтобы в труде мы не устали,
В борьбе не дрогнули ничуть,
Чтоб не роптали в дни печали,
Не вкралась злоба в нашу грудь.
И все земные интересы
Не потопили нас в себе,
Не стали б страшною завесой
Меж нами на пути к Тебе.
О Боже, Боже! Духом силы
С небесной высоты повей,
Чрез нас и малых, и бессильных
Его по всей земле разлей.
Киргизам, русским и татарам,
Узбекам, немцам и мордве
И всем народам даром, даром
Мы возвестили б о Тебе!

Я. Г. СКОРНЯКОВ

ВЗИРАЯ НА СЛАВУ ГОСПОДНЮ

*Мы — дети Божии... если только
с Ним страдаем... Рим. 8, 16—17*

Будем рассуждать о славе: славе Божьей и славе человеческой, а затем и о наших страданиях.

Созерцая природу, мы воочию видим величие ее Создателя, потому что дело рук Его — слава и красота (Пс. 110, 3).

Могущественная слава Божья «простирается превыше небес» (Пс. 8, 2). Она возвещается во всех народах, «ибо велик Господь и достохвален, страшен Он паче всех богов. Ибо все боги народов — идолы, а Господь небеса сотворил. Слава и величие пред лицом Его, сила и великолепие во святых Его» (Пс. 95, 3—6).

Святые мужи Божьи удостоивались видеть славу Господню. Так Моисей и Аарон увидели ее в скинии собрания и пали на лица свои (Числ. 20, 6).

Пророк Исаия видел Господа, «сидящего на престоле высоком и превознесенном... вокруг Его стояли серафимы... и зывали... свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» Глядя на величие этой славы, Исаия убоялся и сказал: «Горе мне! погиб я!» (Ис. 6, 1—5).

Апостол Павел видел славу небесную, слышал неизреченные слова и свидетельствует, что человеку невозможно о том пересказать (2 Кор. 12, 4).

Иоанн, любимый ученик Господа, будучи узником и соучастником скорбей Христовых, видел славу Сына Человеческого, лицо Которого было, «как солнце, сияющее в силе своей, и... пал к ногам Его, как мертвый» (Откр. 1, 16—17).

Славу Божью мы можем созерцать только верой. «Если будешь веровать,— сказал Христос,— увидишь славу Божию» (Иоан. 11, 40). И видим мы ее только отчас-

ти, как бы сквозь тусклое стекло, в отличие от славы человеческой, которая нам более понятна, и которую мы понимаем даже вполне.

Нередко можно наблюдать такую картину: у человека обнаружили те или иные способности, и невольно они выделяют его из общей массы окружающих людей. Такого человека начинают замечать, признают его достоинства и под всеобщее одобрение отмечают его заслуги, воздают почести, прославляют и даже ставят памятники еще при жизни.

Но «всякая слава человеческая — как цвет на траве, засохла трава, и цвет ее опал» (1 Петр. 1, 24). «Как птица, улетит слава» (Ос. 9, 11), ибо человек, «умирая, не возьмет ничего, не пойдет за ним слава его» (Пс. 48, 17—18).

Купались в роскоши и славе Аман, Валтасар, Ирод и многие другие тщеславные люди, но слава их исчезла, как дым. Амана повесили на дереве, которое он приготовил праведнику Мардохею; Валтасар погиб за то, что кощунствовал над священными сосудами храма Божьего, а Бога, в руке Которого были жизнь и дыхание его, не прославил; Ирод был изъеден червями заживо за то, что не воздал славы Богу, а присвоил ее себе, когда народ восклицал ему: «Это голос Бога, а не человека» (Д. Ап. 12, 22—23).

Несмотря на то, что слава человеческая так тленна, скоротечна и обманчива, большинство людей жадно ищут и домогаются ее. Даже познавшие Бога! «Из начальников многие уверовали в Него,— сообщает евангелист Иоанн,— но ради фарисеев не исповедовали, чтобы не быть отлученными от синагоги; ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию» (12, 42—43).

Каков же конец предпочитающих мимолетную славу — вечной? Слово Господне говорит, что тот, кто, боясь потерять авторитет, не исповедует имя Божье пред человеками, будет отвержен (Лук. 12, 9—10).

А слава Божья пребывает вовек, как и Сам Бог! И самым великолепным сиянием ее является Единородный Сын Божий — Спаситель наш Иисус Христос (Евр. 1, 3). Он принял от Бога честь и славу прежде создания мира (2 Петр. 1, 17; Иоан. 17, 5). Но богатство славы Христа, непревзойденный блеск ее

величия во всей полноте открылись только тогда, когда Христос вкусил смерть за всех нас! **«За претерпение смерти,— читаем мы в Священном Писании,— увенчан славою и честью Иисус... Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу. Вождя спасения их совершил через страдания»** (Евр. 2, 9—10). Значит ли совершенной славе нет иного пути, как только через страдания!

Сам Христос по воскресении Своём напомнил об этом отчаявшимся было ученикам: «О, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! **Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?**» (Лук. 24, 25—26). Во-первых — страдания, а потом — слава.

Апостол Петр, некогда отговаривавший Христа от крестного пути, позднее уразумел эту истину и пишет: «Дух Христов... предвозвещал Христовы страдания и (только затем! — *К. В. Д.*) последующую за ними славу» (1 Петр. 1, 11). И здесь мы видим, что славе предшествуют страдания.

Апостол Иоанн, получая откровение от Господа, узнал, что не нашлось ни на небе, ни на земле, ни под землею никого, кто бы имел право раскрыть книгу, которую держал в руках Сидящий на престоле, и много плакал. И вот один из 24 старцев, сидевших вокруг престола, сказал ему: «Не плачь, вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победить и может раскрыть сию книгу...» Это Агнец. Он достоин принять честь и славу! Почему? Слушайте: «...ибо Ты был заклан, и Кровию Своєю искупил нас Богу...» (Откр. 5 гл.). И вновь — всякое создание воздает честь, славу и державу во веки веков Тому, **Кто был заклан!** Поют новую песнь Тому, **Кто возненавидел душу Свою** в мире сем. По достоинству восхваляют Того. **Кто воистину был Пшеничным Зерном, добровольно павшим в землю!** Кто умер и принес много плода! (Иоан. 12, 23—25).

Как же нам, последователям Христовым, получить эту славу, войти в нее, участвовать в ней? Если для безгрешного Сына Божьего не было иного пути для обретения славы, как только через крестную смерть, то есть ли иные пути к блаженству для нас?

Уверовав в Господа и получив запечатление обетованным Святым Духом, мы стали

детьми Божьими, наследниками Его царства. А как же со славою?

Мы не можем получить ее автоматически, как входят в наследство дети. Хороши ли дети или плохи, но по смерти родителей имение принадлежит им, и никто не может лишить их положенной части.

У Господа Бога другая закономерность. «Мы — дети Божии,— пишет Апостол Павел Римлянам. — А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу (далее обратите внимание на неперемное условие — *К. В. Д.*), **если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться**» (8, 16—17).

Значит, славу мы можем получить только через Христа, единственно через Него, о чем Он и ходатайствовал о нас пред Отцом Небесным: «Отче!.. хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне...» (Иоан. 17, 24). Кто же увидит славу Его? Тот, кто с Ним страдает!

Преимущество и величие небесной славы явно превосходят самые большие затраты, которые отдают христиане ради приобретения ее: «...нынешние временные страдания,— напоминает Апостол,— **ничего не стоят** в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим. 8, 18).

О слава Божья! Насколько она пленительна!

Когда Стефана единодушно побивала камнями разъяренная, скрежещущая зубами толпа, Господь Иисус в любви Своей еще при жизни даровал верному рабу Своему увидеть славу Свою, чтобы утвердить и поддержать его в столь трудный момент. Стефан, по-видимому, был не стар, а жажда жизни в человеке всегда велика. Нелегко умирать, да еще видимой насильственной смертью. «Стефан же, будучи исполнен Духа Святого, воззрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога» (Д. Ап. 7, 55). И опять: умирая, увидел славу!

«Что они видят, что с такой радостью и покоем умирают?» — спрашивали у Хиллона Хилонида римские патриции, глядя на терзаемых зверями христиан.

«Они видят воскресение из мертвых»,— ответил он. Да, они видели славу воскресения, славу грядущей жизни с Богом без конца». («Камо грядеши?»)

После проповеди на эту тему ко мне подошел брат и сказал: «Ты — не прав! Ты все Евангелие поставил наоборот!» Этот брат не одинок. Многие сегодня открыто заявляют: «Все равно на небе все вместе будем! Все спасены Христом, омыты Кровью Его все верующие во имя Его!»

— Дай Бог, чтобы все были на небе и все наслаждались славой Христа,— ответил я. Но послушайте, как ясно и определенно говорит Апостол Петр: **«Но как вы участвуете в Христовых страданиях... да и в явлении славы Его возрадуетесь...»** (1 Петр. 4, 13—14).

А если не участвуете? Возрадуетесь или восплачете?

И Апостол Павел говорит о том же: «Мы хвалимся... терпением вашим и верою во всех гонениях и скорбях, переносимых вами... **чтобы вам удостоиться Царствия Божия, для которого и страдаете**» (2 Фес. 1,4—5).

А если не страдаете, удостоитесь Царства Божьего и славы его? Или будете стучать в запертые двери?

Исчерпывающий ответ на это дает наш прославленный в мучениях Спаситель: «...кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего...» (Марк. 8, 38).

Как хочется увидеть славу Божью, участвовать в ней, войти в нее! Увидеть город Новый Иерусалим и стены его, построенные из драгоценных камней: ясписа, прозрачного молочного цвета, сверкающего искрами синего и красных цветов; топаза, переливающегося всеми оттенками желтого цвета; прозрачно-голубого сапфира; зеленого, сверкающего, как молния, изумруда или смарагда; аметиста, переливающегося всеми оттенками от розового до фиолетового цветов; рубина, прозрачного красного драгоценного камня. Как хочется пройти по улицам из чистого золота, постоять в воротах, выстроенных из одной жемчужины каждые! А самое главное — созерцать славу Прекраснейшего из Сынов человеческих — Господа нашего Иисуса Христа! Разделить славу Бога Отца нашего Небесного!

Но всем ли будет дана сия честь? Все ли войдут в Небесный Иерусалим?

А не случится ли непоправимое, как случилось с двумя преданными некогда друзьями? Они поклялись друг другу в любви и дружбе. Оба любили и знали Бога. Но Божьи судьбы непостижимы. Они оказались во враждующих между собой лагерьях. Вы, наверное, узнали их? Это Давид и Ионафан. Было время, когда Ионафан, рискуя собой, пришел к гонимому Давиду и укрепил любимого друга упованием на Бога и в твердой уверенности сказал: «Не бойся; ибо не найдет тебя рука отца моего Саула, и ты будешь царствовать над Израилем, а я буду вторым по тебе» (1 Цар. 23, 16—17). «Буду вторым...», но стал ли? Когда пробил Божий час, Давид вступил на царство. А Ионафан? Царствовал ли он с Давидом? Нет! А почему? Потому что, когда Давид скитался по лесам, преследуемый смертельной опасностью, Ионафана не было с ним, хотя он и любил Давида. Он не отказался от царской жизни, не захотел, не смог. И в результате — не дожил до славного часа, погиб в сражении с филистимлянами вместе с отцом своим Саулом.

Удивительно, однако, то, что все, кто скитался с Давидом, вместе потом радовались с ним в царствовании его (2 Цар. 8, 15—18; 23, 8—39).

Слово Господне остается непреложным: «Если терпим, то с Ним и царствовать будем. (2 Тим. 2, 12).

Дорогие друзья! Недостаточно верить, что мы войдем «в торжествующий собор церкви первенцев, написанных на небесах». Нужно здесь, на земле, отвергнув себя, взять крест свой и следовать за Господом. Всякое другое подвизание не увенчается вечной славой.

Имеешь ли ты надежду участвовать в славе Христа? Тогда, скажи честно, каким путем идешь? Страдаешь ли с гонимым наследием Христа или возлюбил более славу человеческую?

Не дай себя обмануть, как те многие верующие, которые именем Христа пророчествовали, но, увы, оказались вне!

Избери славу Божью, а это значит путь поношений, гонений и хулы за имя Христово. И да прославится имя Господа нашего Иисуса Христа и мы в Нем. Аминь!

К. В. Д.

К новой жизни призывает нас Бог; не к принятию некоторых новых взглядов или правил, привычек или намерений, но к вполне новой жизни.

Для того чтобы создать эту новую жизнь, предвечный Сын Божий воплотился, умер, был погребен и воскрес.

Это не жизнь, творящая жизнь, не низшая степень жизни, восходящая до высшей; это — жизнь, укореняющаяся в том, что ей противоположно; жизнь, рожденная от смерти, от смерти «Начальника жизни». Он есть Творец как древнего создания, так и нового.

Ради этого творения, ради того, чтобы из ветхого создать новое, сошел Дух Святой в силе, проникая в души человеческие и устрояя Себе там обитель.

То, что Бог называет новым, должно быть ново, ибо Писание безоговорочно и определенно выражает Божью мысль. Эта самая истинная книга не только по содержанию, но и по точности выражения. Какую важность, какую действительность должна иметь для нас эта, Богом созданная, новая, духовная жизнь, в которой Он хочет сделать нас участниками и которую Он такой ценой и такими дивными непостижимыми путями водворил на земле! Ненавистна должна быть Ему наша ветхая жизнь, если ради уничтожения ее Он предает Сына Своего; и дороги должны быть мы в очах Его, если для того, чтобы вырвать нас из прежней жизни и переселить в новую, Он изливает все божественные запасы любви, всемогущества и мудрости и этим восполняет нужду, которая иначе была бы вполне безысходной!

Человек, для которого прекратилась прежняя жизнь и началась но-

вая, остается, в некотором смысле, таким же, как и был; только прежде он был «под законом», а теперь — «под благодатью». Внешний вид его тот же; способности, ум, воображение, свойства и обстоятельства те же. Но тем не менее, «древнее прошло, теперь все новое». «Ветхий человек распят», — новый человек живет. Это не ветхая жизнь, исправленная и облагороженная: некоторые недостатки сглажены, неблагоприятные места сделаны более благовидными, тут и там несколько добродетелей, выставленных для украшения.

Это не обломок, починенный; не надпись, стертая и восстановленная; не картина, запачканная и снаружи обновленная; не храм, обветшалый и только выбеленный для вида. Нет, это — более того, несравненно более; иначе Бог не назвал бы это новым творением, и Христос в беседе с Никодимом не выразил бы так определенно ясно божественное необходимое условие — нового рождения свыше, при котором человек принимается в Царство Божье и без которого исключается из него. И однако же мало кто в наше время верит тому, что «рожденное от плоти есть плоть и рожденное от Духа есть дух».

Слушайте, что Бог говорит! Он называет нас новорожденными младенцами, новой тварью, новым «тестом», новым человеком, исполнителями новой заповеди, наследниками нового имени и нового града, ожидающими «нового неба и новой земли».

Это новое существо, рожденное новым рождением свыше, живет в обновлении духа, по Новому Завету, ходит «путем новым и живым» и, окончив земное поприще, воспе-

вает новую песнь в новом небесном Иерусалиме.

Так что это не внешность, исправленная; это не нравственность и не благотворительность, не торжественная обрядность и соблюдение благочестивых правил; не сентиментальность, угрюмая или приветливая; не благозвучные, неопределенные, высокопарные рассуждения об истинах христианства, о значении человеческой жизни, об общей любви и провидении Творца. Это нечто несравненно более глубокое, истинное и настоящее, нежели все то, что считается глубоким, истинным и настоящим в современной религиозной философии. Эта жизнь исходит свыше и тяготеет туда; она в созвучии, в согласии с небесным; она стоит на стороне Божьей во всем; она (исключая некоторые внешние выражения) ничего не имеет общего с той поверхностной набожностью и заблуждениями, которые составляют мнимую религию многих и многих, называющих Христа Иисуса Господом.

Христианин — это тот, кто распят со Христом, умершим за него, погребен с Ним, восстал с Ним и воссел на небесах с Ним. Он считает себя «мертвым для греха, живым же для Бога» и, как следствие этого, «не предаёт членов своих греху, в орудия неправды, но представляет себя Богу, как оживший из мертвых, и члены свои Богу в орудия праведности». И ищет он «горнего, где Христос сидит одесную Бога, и о горнем помышляет», умерщвляя земные члены свои.

Эта новая жизнь исключает зло и вмещает добро; Апостол Павел определяет ее двумя свойствами: «праведность и святость истины». «Отложите,— говорит он,— прежний образ жизни ветхого человека... обновитесь духом ума вашего и облечитесь в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины». Новый человек должен быть

праведен и свят внутри и снаружи, перед Богом и людьми, по закону и Евангелию, и все это посредством истины. Ибо как ложь производит нечистоту и беззаконие, так истина производит праведность и святость через Духа Святого. Заблуждение уязвляет, истина исцеляет; заблуждение — это корень греха, истина — корень чистоты и совершенства.

Итак, Бог призывает нас к новому положению, новому нравственному составу, новой жизни, новой радости, новому служению, новому упованию. И тот, кто думает, что истинная религия содержит в себе менее того, что сейчас было изложено, тот не понял еще истину, как ее следует понимать. Для человеческого благочестия достаточно, может быть, и меньшего; но то благочестие, которое признается Богом, обязательно должно хотя бы в некоторой степени содержать в себе эти свойства.

Очень важны слова Апостола: «мы Его творение». «Из Него, Им и к Нему» — должно быть все в нас. Избранные, призванные, оживотворенные, омытые, освященные и оправданные самим Богом,— ни в каком смысле не можем мы что-либо приписать себе. Состав, из которого образуется мрамор,— Его, и мрамор — Его, и труд над ним — Его; Он Ваятель, а мы дело рук Его.

«Мы Его творение»,— говорит Апостол. Но это не все. Мы «созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять». План, выбор материала, образец, художник и произведение — все это божественно; и хотя «еще не открылось, что будем, знаем, что будем подобны Ему»; и образ Его изобразится в нас, ибо мы «обновляемся по образу Создавшего нас».

Однако же не над холодным бездушным мрамором совершается это дело Божье. Тут оно было бы не сложно и требовало бы только известной доли искусства. Но преоб-

разование души — дело несравненно труднее и требует разностороннего умения. Силы, противодействующие внутри и извне, очень многочисленны; и одинаково многочисленны должны быть силы, приведенные в действие для того, чтобы состязаться с ними и выполнить задачу. Дело это не механическое, но нравственное и духовное; и всемогущество Божье — не безграничная физическая сила, действующая напором и одолевающая насилуем; это Сила, которая содержится в Себе безграничные и разнообразны запасы средств и способностей. Она проявляет могущество Своем, что применяет его к обстоятельствам, достигает величайших результатов посредством разнородных влияний и сообразуется в действиях Своих с требованиями закона Божьего и святой любви Божьей, с одной стороны, и с виновностью человека, ответственностью его и свободной волей его, с другой. Столько разных сторон тут затрагивается, столько сложностей, содействующих созиданию одного целого, что мы тут терпимся, не можем этого проследить, не можем постигнуть; и только удивляемся той премудрости, которая так чудно применяется ко всем состояниям человеческой души.

И здесь заметим двойственность, или двусторонность, божественной истины; если упустить это из виду, может возникнуть много излишних словопрепятий и заблуждений. Истина, конечно, не двусторонняя только, но многосторонняя, как хорошо выточенный хрусталь. Но в более общем смысле, она двойная: имеет сторону небесную и земную, божественную и человеческую. Там, где эти две линии встречаются, требуется тщательное равновесие и правильное распределение; и от недостатка этого возникает много недоразумений и раздоров. Небесная и земная стороны истины должны быть разграничены, одна — сопоставлена с другой, одна

дополнять другую. Бог имеет власть безусловную — это одна сторона; но человек имеет свободную волю,— он не машина и не камень. Бог избирает и привлекает по Своему благоволению, однако человек, со своей стороны, должен внимать, и желать, и приступать. Бог дарует веру, однако же «вера от слышания, а слышание от Слова Божьего». «Бог производит в нас хотение и действие», однако же Он повелевает нам «совершать наше спасение со страхом и трепетом». Бог нас освящает, однако же мы освящены через истину.

Бог наполняет нас радостью и миром, но это в ответ на веру с нашей стороны. Бог обновляет, однако же нам сказано: «сотворите себе новое сердце». Движения человеческой воли не убиваются, но направляются и вдохновляются Богом; разум не унижается и не угнетается, но просвещается для истинного своего служения. Небесное и земное разграничено, но не разлучено, имеет близкое отношение друг к другу, хотя не должно быть смешано. Смещение понятий производит мистицизм, суеверие и лжеучение. «Есть тела небесные и тела земные: но иная слава небесных, иная земных». В каждой библейской истине есть две стороны: божественная и человеческая, и их надо различать. Наиболее истины в том богословии, которое правильно распознает эти две области, не смешивая и не сливая их, но также и не разъединяя.

Поэтому крайне необходимо нам строго придерживаться Слова Божьего, и опасно вторжение человеческой метафизики в вопросы такой существенной важности, как духовный переворот, происходящий в душе. Бог творит это, но творит в нас; и все, что нужно знать относительно этого великого дела, открыто в Священном Писании. Мы особенно на этом настаиваем, потому что иные люди склонны превозносить человечество

и умалять значение того переворота, с которого должна начаться христианская жизнь. Никакое возвышенное настроение, никакое усердие в добрых делах, никакое умственное развитие и никакая добродетель не могут заменить того, что Слово Божье называет «призванием по Его изволению» и «возрождением через воскресение Иисуса Христа к упованию живому». И мы еще настаиваем на этом потоку, что каково начало, такова будет середина и конец. Ложные понятия, неверно направленные шаги при начале пути могут повести к ложному благочестию и дальше к поверхностному, нетвердому исповеданию, точно так, как одна неверная цифра мешает правильному разрешению задачи. Если вывихнутый сустав не вправлен, — он никогда не будет действовать свободно; и если рана только сверху прикрыта, это не помешает болезни раздять тело.

Каким образом производит Дух Святой это обновление души, мы не знаем, но знаем одно: Он не разрушает и не искажает свойств человека, а обновляет их для того, чтобы они могли выполнить истинное свое назначение. Каждая способность остается на своем месте, но она очищена и направлена к истинной цели. И Дух Святой также не угнетает наших способностей, напротив, Он их развивает до высшей степени; каждая из них действует и служит непрестанно, и весь человек; тело, душа и дух вместо того, чтобы находиться под давлением и быть бессознательным орудием, — получает истинную свободу и настоящий простор всему существу. Ибо, «где Дух Господень, там свобода», там не рабство и не искусственность.

И это свободное создание признает над собой полные Божьи права, ибо «создал его Бог». «Вы Божья нива, Божье строение», изделие рук Его, и цель этого творчества: «сделать их подобными образу Сына

Своего, дабы Он был первородным между многими братьями, — так как Он избрал их в Нем прежде создания мира, чтобы они были святы и непорочны пред Ним в любви».

К святости призывает нас Бог: чтобы плод наш был — святость и сердца наши непорочны в святости; чтобы мы пребывали в святой жизни и благочестии, были священством святым; святы во всех поступках; облечены званием святым; святы и непорочны пред Ним в любви, представляя не только души, но тела наши в жертву живую и святому Богу, помня, что тела эти не только жертва, но и «храм Святого Духа».

Святость — это уподобление Богу, Тому, Кто есть «Святой Израилев», Тому, Кому воздают хвалу на небе, говоря: свят, свят, свят... Святость — это уподобление Христу, Тому, Кто был «святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников». Это не только отрешение от зла и греховного мира, но это посвящение себя Богу и Его служению. Посвящение священное и на священное служение. Это жизнь и сердце, отделенные Богу так же исключительно и всецело, как отделены были для священнослужения скиния и ее сосуды; сосуд духовный, отделенный от мирского употребления, отделенный «кровью завета вечного». Святая Кровь стоит преградой между душой и миром, и она не дерзает переступить через нее, чтобы опять прильнуть к нечистому и оскверниться.

Эта святость, или посвящение, простирается на все существо и на всю жизнь, проявляется во всем, что мы делаем, говорим или задумываем, в малом или большом, внешнем или внутреннем, в наших привязанностях, радостях и скорбях, в нашем отдыхе или труде, в нашей речи или молчании, — в каждом действии всего существа: духа, души и тела. В доме, в храме, на нашей службе, — везде

должно быть видно, что наша жизнь посвящена Богу.

Освящение — дело почти минуты, т. е. определенное действие и решимость воли. Сосуды в храме сразу, а не постепенно отделялись для Бога на священнослужение. Но это не значило, что сосуды эти не нуждались в ежедневном омовении и после того. Также и наше посвящение Богу, Им принятое и утвержденное, не освобождает нас от необходимости ежедневного очищения от греха. Посвящаемся мы, приняв на душу свою посвящающую нас Кровь завета, но за этим следует постепенное освящение наше посредством Духа Святого. Первое — это начало, необходимое для того, чтобы и последующее могло иметь успех, но на этом первом шаге никак не следует останавливаться. На то мы и посвящены Кровью, чтобы очищал нас Дух Святой; и тот, кто хочет миновать это внутреннее очищение, вовсе еще не понял, что значит быть истинно посвященным Богу, что значит эта Кровь завета и чудное звание, дарованное нам во Христе.

То, что человек называет грехом, — легко сгладить и облечь в мнимую добродетель. Оно не заслуживает изгнания из рая, потопа и огня Содомского. По мнению мира сего, все это слишком сильные меры, и, читая об этом, следует сбавить многое и то, что кажется резким, приписать местным условиям и слишком ярким восточным краскам. Оно касается скорее врача, чем судьи, и подлежит сожалению, но не осуждению. Оно не заслуживает ни кары, ни гнева Божьего, ни суда Его; оно не нуждается и в искуплении, и в кресте, и в Крови Христовой, и в смерти Его за грех. Одного воплощения, как выражения божественной любви к несчастным и снисхождения Его к Своим созданиям, вполне достаточно.

Но то, что Бог называет грехом, несравненно более ужасно и дале-

ко превышает все наши понятия об ужасном и прискорбном. Это то, что проклинается законом и осуждается судьей; то, что требует праведного прощения, божественного Спасителя и всемогущего Духа; то, что может погубить душу и разрушить целый мир; то, что от одной капли разливается во все концы земли вот уже шесть тысяч лет и ввергает столько в вечную тьму. Это то зло, ненавистное и губительное, о котором взывает кровь и огонь ветхозаветного жертвенника и которому возмездие — смерть, «смерть первая и вторая»!

Кто хочет познать святость — должен понять грех; и кто хочет смотреть на него, как Бог смотрит, и судить о нем так, как Бог судит, пусть взглянет на крест и на гробницу Сына Божьего, пусть вникнет в значение Гефсимании и Голгофы!

Многие легко смотрят на грех. Крест Христов для них стоит не как свидетель против греха и доказательство смертельности греха, но как образец великодушия и самоотвержения. Конечно, признают, до некоторой степени, что грех есть зло, но считают его исправимым и человеческими средствами.

Посредством внушения нравственных правил или религиозных впечатлений на время притупляется сердечная боль: как от действия хлороформа убивается чувствительность, но не исцеляется болезнь. Вот и все! А почему за такое маленькое зло обречь всеблагодой Господь наш мир на скорбь, и слезы, и болезни, заливающие его целыми потоками, — на этот вопрос не дается ответа! Говорят вам неопределенно, что человечество движется вперед, что христианство этому способствует, что самосовершенствование идет успешно и достигнет блестящих результатов. Таким образом, многие пророки говорят: «мир, мир, когда мира нет», и думают исцелить рану, отвергая ее смертельность. Но к чему послужит

эта мирская оценка в последний великий день суда,— будущее покажет.

«Отрезвитесь и не грешите»,— вот как взывает к нам Бог. «Будьте святы, потому что Я свят». «Очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом». «Да отступит от неправды всякий исповедующий имя Господне». «Потщитесь явиться пред Ним неоскверненными и непорочными в мире». «Живите достойно благовествования Христова».

От греха во всех его видах отрывает нас Господь; предостерегает нас от него, как от величайшего, пагубного, ненавистного Ему зла. Он обращается к нам, как к рожденным и зачатым во грехе, пропитанным им насквозь, разносящим его повсюду.

«Хорошие» грешники

Нет различия, потому что все согрешили. Рим. 3, 22—23

Нельзя спасти того, кто не убежден, что он погибает. Первое условие для спасения грешника — осознание им своего гибельного состояния. Ибо Христос пришел спасти только «погибшее». А погибшие — это все люди, ибо все согрешили и все лишены славы Божьей.

Среди тех, кто слышит весть о спасении во Христе, бывают нередко и люди, ссылающиеся на свои добрые качества: «Я, в общем, человек неплохой, держусь «золотого правила»: не делать другому того, чего себе не желаю», и т. д. Такие люди обычно не возражают против того, что грешны все, но добавляют, что сами они все же лучше многих других.

Иными словами, они хотя и грешники, но грешники «хорошие», а не «плохие». Если бы это так было, то, конечно, можно было бы говорить, например, о «правдивых лжецах», о «честных ворах», о «добрых и любовных убийцах и грабителях», о «благочестивых богохульниках и святотатцах» и пр. Но, на самом деле, ничего подобного нет. Есть

Он смотрит на нас не как на больных только, требующих уврачевания, или на несчастных, заслуживающих сожаления, но как на виновных, подсудимых, «мертвых по грехам и преступлению» и подлежащих неминуемому осуждению. Он не смягчает и не преувеличивает дела, но представляет его как оно есть, и сперва показывает нам каковы мы сами по себе, а потом уже возвещает нам то, что Он хочет в нас сотворить. От всякой нечистоты и неправды, от всякой кривизны и сети греховной, от непокорности и «всякой скверны плоти и духа» призывает Он нас в Сыне Своем Иисусе Христе.

(ж. «Христианин», 1906 г.)

только виновные пред Богом, испорченные и недобрые грешники, несчастные, погибшие. Все одинаково худы и все одинаково нуждаются в спасении. И о всех них Бог говорит, что они «уклонились, сделали равно непотребными: нет делающего добро, нет ни одного» (Пс. 13, 3).

Вот таким и видит Бог невозрожденное сердце человеческое. И пока человек с приговором Божиим не сдается и от вины своей к Богу не обращается,— остается он только погибшим грешником. Те, кто считают себя «неплохими» грешниками, в покаянии и обращении к Богу не нуждающимися,— погибнут все! Так говорит Слово Божье. И потому самые худшие и самые безнадежные грешники, это именно те, кто своей греховности не видят и не признают, потому что Сын Божий пришел в мир «взыскать и спасти» не «хороших» грешников, не праведных (каковых и нет), а только и единственно «погибших» (Лук. 19, 10).

М. Р. ДЕ ГААН

Восхищение Или

4 Цар. 2, 11; 1 Фес. 4, 13—18

Бог решил взять Илию на небеса в вихре. Такое переселение человека без вкушения смерти было не первым. Раньше Или за много веков переселен был на небеса Енох. Как Илия, так и Енох в переселении должны были подвергнуться изменению,— такому изменению в теле, которое соделало их способными к обитанию в мире духовном, куда никакое смертное око не может заглянуть. Изменение тел иначе называется облечением смертного в бессмертие, тленного в нетление.

В данном случае, мы видим, что у Господа Иисуса было два предтечи, и оба они были облечены одной силой и напоены одним Духом. Первый предтеча Господа был Иоанн. Первый, говорю, не потому, что он раньше жил, а потому что по событиям земной жизни Господа Иисуса он был первым предтечей Господним, будучи в духе и силе Или. Второй предтеча был Илия, по тем же самым событиям. Иоанн предшествовал Господу Иисусу — Богу, Который «явился во плоти», в нисхождении Его с небес на землю, а Илия предшествовал Ему в восхождении Его с земли на небеса. Иоанн предшествовал Господу в униженном теле; Илия же предшествовал Ему в прославленном теле. Илия строго обличал грехи современников своих, не шадя и не стыдясь и царя Ахава. Иоанн делал то же, не стыдясь и не страшась царя Ирода: он обличал его за Иродиаду. Настолько сходны эти два предтечи Господни между собой.

Но не Илия и не Енох только будут служить примерами переселения в царство вечности без вкушения смерти. В славный день пришествия Господня мертвые во Христе воскрес-

нут прежде, а оставшиеся в живых изменятся. «...Не все мы умрем,— говорит Апостол Павел,— но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся; ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему — облечься в бессмертие». Как я уже сказал, никакое смертное око не может заглянуть в царство вечности, и поэтому изменение физической природы нашей необходимо; ибо по словам того же Апостола, «плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия и тление не наследует нетления». В настоящем физическом состоянии нашем мы не можем созерцать небесную славу и остаться живыми, так же, как не можем смотреть на солнце и не испортить себе зрения. Для нас очень трудно даже при самом сильном воображении понять: как это бедное, униженное тело наше будет или воскрешено, или преобразено в подобие славному телу Сына Божьего силой Его. Для нас ныне мало понятна та недоступность болезни для будущего тела, та сияющая небесная красота его, то господство его над пространством и вещественными препятствиями, когда искупленные свободно, с невыразимой быстротой молнии, в одно мгновение ока будут переноситься с одного места на другое по желанию души, пересекая неизмеримые пространства в надзвездном мире. Для нас мало понятна та духовность естества будущего тела, которая не уничтожит это тело наше, а только преобразит его в великолепие новой жизни, соделав его во всем покорным духу. Для ума нашего это непонятно, но не для веры. Вера в Воскресителя говорит так: «...я знаю. Искупитель мой жив и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию; и я во плоти моей узрю Бога... мои глаза, не глаза другого

увидят Его». Вера в Преобразителя говорит так: «Наше же жительство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе все».

Илия был восхищен от земли в вихре; святые будут восхищены от земли на облаках. Об этом Апостол Павел пишет так: «...Сам Господь при возвешении, при гласе Архангела и трубе Божией сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу... и так всегда с Господом будем». Первой заботой Искупителя в пришествие Его будет воскресить умерших в Нем; второй — изменить оставшихся в живых; тех и других Он облечет в нетление, тех и других Он введет в бессмертие, ибо Он один лишь может соделать это,— Он один лишь с Отцом и Святым Духом есть «Единый, имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете».

Я часто слышу слова: «души бессмертные» в том смысле, что душа сама по себе бессмертна, что не оправдывается Словом Божиим. По Священному Писанию славное бессмертие — это дар искупления. Творец даровал Адаму способность к бессмертию, или, вернее, условное бессмертие,— жизнь вечную при условии повиновения во всем воле Его. Но Адам через неповиновение утратил эту способность к блаженной вечной жизни и навлек смерть на всех потомков: смерть телесную, духовную и вечную «...в Адаме все умирают»,— говорит Апостол Павел. Но этот утраченный Адамом дар Творца был возвращен роду человеческому Искупителем. «...Верующий в Меня имеет жизнь вечную... верую-

щий в Меня, если и умрет, оживет.. Я есмь воскресение и жизнь»,— говорит Он.

Итак, во второе пришествие Господа воскрешенные мертвые и измененные живые, святые, восхитенные будут на облаках, чтобы встретить Господа, чтобы получить венцы славы от Него, чтобы быть заседателями вместе с Ним в суде над дьяволом, злыми ангелами и человеками, для вынесения приговора, который произнесет над ними Судья живых и мертвых.

О, чудный день, о, славный день встречи! То будет небывалая встреча. В тот день мы увидим искупленных всех веков, начиная от Адама. Там мы увидим и Адама, и Авеля, и Еноха, и Ноя, и Авраама с Исааком и Иаковом, и Лота, и Моисея, и Самуила, и Давида, Илию — и всех ветхозаветных святых, которые жили верой в грядущего Искупителя мира. Там встретимся мы и с Иоанном Крестителем, и с Иоанном, и с Павлом, и с другими Апостолами и со всеми святыми Нового Завета, которые жили верой в Икупившего их, которые «...омыли... и убелили одежды свои кровию Агнца». Там встретимся мы с ними, будем пожимать друг другу руки, беседовать о превышающей всякое человеческое разумение любви Христовой. Там расставшиеся друзья будут снова сжимать друг друга в объятиях вечности, и незабвенные голоса утраченных нами дорогих существ будут снова слышаться; и воздуха, окружающего весь земной шар, едва будет достаточно для того, чтобы различить эхо и вторить хвале никогда невиданного, небывалого хора искупленных; когда всякий и искупленный и спасенный будет уметь петь и когда «великое множество людей, которого никто не мог перечесать, из всех племен и колен, народов и языков» воспевает одну чудную, неземную, новую песнь, кото-

рую никто, кроме поющих ее, не может знать,— о, как забьются тогда вечной радостью наши сердца!..

О, великий день венчанья
Со временем придет,
Когда чудный свет сиянья
Господнего блеснет!

О, тогда как вострепнутся
Дождавшихся сердца,
Ибо воцарится Агнец навсегда!

Настолько радостен день пришествия Господня для тех, которые верой приняли Христа и любовью служат Ему. Для таковых все равно, когда Господь придет: «вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру»,— они, ожидая Его, бодрствуют. Для них пришествие Господа, так или иначе, вожделенно и отрадно; воссияет ли оно над ними, живущими в теле, ныне и здесь, или же проникнет своими пронзающими лучами и звуками трубы Архангела в темную обитель смерти — могилу — для них все равно: они ожидают Господа своего и готовятся ко встрече Его. Верой они «омыли одежды свои Кровью Агнца». В жизни своей они облакаются в «любовь, которая есть совокупность совершенства». В такой одежде им не будет стыдно встретить своего Господа.

Друг мой! Будешь ли ты в числе восхищенных в сретение Господу, в числе поющих новую песнь хора прославленных человеков и светлых Ангелов, или же в числе отверженных, выброшенных в тьму внешнюю, в числе плачущего и скрежещущего зубами скопища осужденных человеков и демонов?! Скажешь ли ты, увидев Господа, грядущего на облаках небесных, вместе с Его искупленной Церковью: «Ей, гряди. Господи Иисусе!»? Или же, увидев Его на престоле суда, будешь взывать к горам и холмам: «Падите на нас и покройте нас!»? Будет ли для тебя день пришествия Господня, как для пророка Илии,— днем восхищения на небе-

са? Или же он будет для тебя днем провала сквозь землю на дно ада, как для Корея, Дафана и Авирона? Спрошу проше: веришь ли ты в Сына Божьего? Твой ли Он лично Спаситель, Владыка и Ходатай пред Богом? Приложил ли ты верой спасительную Кровь Христа к душе своей для исцеления ее, как прилагают благотворные лекарства к ранам для исцеления их?

Исцелился ли ты, получил ли ты в себе силу вечной жизни? Если да, то прославь твоего Спасителя в словах и делах, с терпением ожидая «искупления тела нашего». Если же нет, то торопись исцелиться от греховных ран Кровью из ран Иисуса и получить жизнь от Него, Источника и Начальника жизни вечной. Сделай это ныне, потому что Слово Божье говорит так: «Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться». Для чего? «Ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых...» «Он есть определенный от Бога Судья живых и мертвых. О Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его».

Итак, от тебя требуется теперь ныне: покаяние пред Богом и вера в Господа нашего Иисуса Христа, посредством которых ты получишь жизнь вечную и избавишься от грядущего суда, ибо Господь Иисус говорит так: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Иоан. 5, 24).

Господь да благословит тебя, да сохранит тебя, да поможет тебе и да дарует смущенной душе твоей мир!

Г. И. ШИПКОВ

Утешенная

...Во благо мне была сильная горесть... Ис. 38, 17

Со времени нашей последней встречи прошло около шести лет, и вот я снова у порога гостеприимного дома. Хозяйка, по-видимому, еще не привыкнув к тому, что в доме появилась подаренная детям собака, быстро открыла дверь. В мои ноги тут же уткнулся холодный собачий нос. Рыжая, с гладкой длинной шерстью, собака весело помахивала хвостом и не давала мне и шагу шагнуть, ласково прижимаясь к ногам.

— Надо же! — удивилась хозяйка дружелюбно умного пса.

— Неужели он чувствует, неужели понимает кто пришел! Да пропусти же, наконец, — улыбаясь, отстраняла она собаку.

Мы помолились, радуясь дарованной Господом встрече. В прихожую сбежали подростки. Мне было известно, что дом сестры неожиданно осиротел. Она похоронила мужа — богобоязненного христианина, а дети лишились заботливого отца. И, конечно, наш разговор в первую очередь коснулся пережитого.

— Я думала, что не перенесу утраты, — вздохнула тяжело сестра. — Мы с мужем понимали друг друга с полуслова. Когда его не стало, я не могла ничего взять в рот. Даже заставить себя есть — не могла, потому что спазмы сдав-

ливали горло и пища просто-напросто не проходила. Я потеряла почти половину веса. Работа всего организма настолько нарушилась, что я таяла на глазах. Стоило мне взглянуть на детей, как отчаяние лишало меня последних сил: что же я с ними буду делать? Чем кормить? Смогу ли воспитать христианами?

Душа моя искала утешения. Я шла в собрание. У меня столько хороших друзей, но при встрече у них как-то не находилось для меня слов ободрения. Я недоумевала: неужели кроме сожаления о том, что я сильно поседела и так изменилась, друзьям нечего больше мне сказать? Позже я поняла почему Господь допускал это.

От сильного истощения я ослабела так, что начинала понимать: недалек тот час, когда я пойду вслед за мужем и оставлю своих деток. А они льнули ко мне, беспомощной, вконец отчаявшейся, разрывая мое сердце на части.

Одна за другой приходили в негодность домашние вещи. Везде нужны мужские руки, а заменить их было некому. Невосполнимые нужды давили на меня так, что мне не хотелось и дышать. И чем сильнее я отчаивалась, тем хуже мне становилось.

«Не пойти ли мне в больницу? — мелькнула мысль. — Может быть,

дадут каких-нибудь таблеток, которые снимут нервное напряжение». Оставила все и пошла. В кабинете врача я рассказала все как есть: что похоронила мужа, на руках трое детей, сама догораю как свеча, боюсь, что дети останутся круглыми сиротами...

Врач внимательно выслушала меня, и вы не можете представить, что она мне сказала!

— Женщина, — обратилась она ко мне приятным голосом. — Мне вас очень жаль. Поверьте, вам не нужны никакие таблетки. Я вам дам простой совет: найдите источник утешения, и вы увидите как нормализуется работа всего вашего организма. Вы еще молоды, силы вернутся к вам. Вы поднимите на ноги ваших детей. Вы все сможете, только успокойтесь...

Можно было ожидать чего угодно, но только не этого! Не помню, как я вышла на улицу. Слезы застилали мне глаза. «Боже мой! — горько сокрушалась я. — Какой позор! Это мне, христианке, неверующая женщина говорит: «найдите источник утешения!» Ведь у меня он есть! Есть чудесный источник утешения, а я мечусь, изнывая от бессилия, по безводной пустыне отчаяния!.. Господи, прости меня! — плача молилась я, придя домой. Дети привыкли видеть меня плачущей. Обступили, уговаривают: «Ну, мама, ну не плачь, не надо!..» Но в тот день слезы мои не были слезами безысходного отчаяния, а слезами искреннего раскаяния в том, что в день скорби я не искала Господа.

Когда был жив муж, с любой бедой я бежала к нему. Он выслушивал меня, ободрял, и я не знала уныния. Когда мы переживали о гонимом народе Божьем, узна-

вах Христовых, то находили успокоение в церкви, в молитвах, ходатайствах, в восполнении нужд гонимых. И все-таки самый благословенный, самый надежный источник утешения я обходила стороной. Я не научилась делить скорби с Господом. Только теперь, когда я физически изнемогла до предела, Господь обратил мой внутренний взор на пренебреженный мною источник утешения. Только теперь я склонила свою усталую голову перед Тем, Кто давно ожидал меня и желал успокоить мою разбитую душу. Господь звал меня: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мтф. 11, 28). А я бежала к мужу, а когда его не стало, — к друзьям. Когда же я пришла к Господу, пришла робкая и расслабленная — Он исполнил Свое слово: успокоил меня. Утешил меня так, как не может утешить никто в этом мире!

Я брала в руки Библию, которую читала и раньше, но сладостный покой, вселявшийся в мое сердце, был совершенно новым. Я погружалась в святые размышления, и мой дух покоился, казалось, в ином мире. Мои страдания потеряли для меня свою прежнюю гнетущую силу. Я поняла, что они мимолетны, временны, что впереди меня ожидает непреходящая вечность. «Мой муж у Господа, и я непременно приду к нему, чтобы навеки быть у Господа!» — все уверенней звучали в моей душе чудные обетования Господни.

«Найдете покой душам вашим...» — обещал Господь. И я нашла этот невозмутимый покой. Мне стало заметно легче даже физически. Спазмы перестали сдавливать горло. Я подходила к столу, молилась и могла свободно покушать. Удив-

ление и радость переполняли меня.

Я принималась за домашнюю работу, а ей не было конца. Дети требовали внимания, ухода. Я окунулась с головой в беспросветную суету и забывала читать Слово Божье. И мне снова становилось очень плохо.

А тут еще мне нужно было устроиться на работу, чтобы как-то содержать семью. Отчаяние накапывалось на меня, как грозный вал, сбивало с ног, я чувствовала, что начинаю тонуть и захлебываться в его черном омуте.

«Господи! Разве Твой покой такой преходящий?» — зывала я и вновь открывала Священное Писание. Чудо повторялось вновь. Состояние мое улучшалось. Перемена в настроении и здоровье была настолько разительной, что я боялась выпустить Библию из рук. Для многих Слово Божье является только источником утешения, но для меня оно стало и самой жизнью! На его святых страницах я воистину обретала необъяснимый покой и набиралась сил. Оно приобщало меня к вечным ценностям, и мои скорби, мое горе Господь употребил для того, чтобы я познала силу Божьих обетований, а также ощутила на себе исполнение их.

Мое одиночество и трудности перестали меня мучить. Причины для беспокойства исчезли. Бог меня не оставит, никогда меня не забудет, потому что Он — отец сирот и вдов!

Радуясь Божьей верности, я старалась сделать все необходимое для семьи и уже не оставляла чтения Библии. Удивительно, но у меня на все хватало времени и сил! Работа была прежней, но я стала другой — спокойной, уповающей. Мои глаза открылись,

и я стала видеть чудо за чудом над своей семьей.

У соседей огорода душили сорняки, они не успевали пропалывать, а у меня травы как не бывало. «Какой чистый у тебя огород! Когда ты успеаешь все делать?» — удивлялись они.

Бог мне послал необходимую работу. Уходя на дежурство, я помолюсь с детками и, ты не можешь себе представить, как дивно Он меня хранит и благословляет! Я не могу даже передать каким чудным открылся Господь в моей жизни!

У меня нет возможности быть постоянно со всеми детьми в собрании. Но я каждый вечер читаю с ними Библию, как могу разъясняю, мы вместе молимся и получаем драгоценные ответы на наши молитвы.

Я приглашаю к себе в дом собрания. Как обычно, приходит и милиция. Не знаю почему, но как только увижу ее в дверях, радуюсь: «Слава Богу! — говорю им, — значит мы на истинном пути, если вы пришли переписывать и штрафовать горстку верующих, а большую зарегистрированную вами общину не тревожьте!» А сама не могу сдержать улыбки. Вместо страха — какое-то торжество.

Сестра сидела передо мной внутренне просветленная, умиротворенная. Покоем веяло от ее жестов и слов. Она рассказывала о милостях Божьих с довольством и даже счастьем. То откровение, какое она получила от Господа через свои скорби, и ее благодарный дух невольно передавались мне.

Дети время от времени забегали в комнату. Она прижимала их к себе, и им было так уютно в материнских объятиях. Они вслушивались в наш разговор и наперебой ста-

рались подтвердить мамини слова.

— Были заморозки! У всех в огороде все померзло! А мы помолились, и только в нашем огороде ничего не померзло! — почти скороговоркой выпалила девочка, и в ее глазах было море восторга! Малышка была уверена, что это чудо Господь сотворил по молитвам их.

Слушая ее, так и казалось, что по просьбе детей над их огородом стоял Ангел и рассеивал морозный туман, чтобы сироты имели необходимое пропитание. Для соседей это тоже было ярким свидетельством Божьего вмешательства.

— В воскресенье у нас было собрание, — торопились сообщить дети, — в доме был шум, пели. Мы не слышали, что над нашим домом долго кружил вертолет. Потом соседи спрашивали: «Что вы там делали, что над вашим домом завис вертолет?»

— Когда милиция приходит, все двери открывают, везде заглядывают, кого-то ищут, — рассказывали последние новости дети, явно еще не сознавая, почему за квартирами верующих, принадлежащих гонимому братству Совета церквей, ведется такое наблюдение и устраиваются тщательные проверки.

Выслушав нелегкую исповедь утешенной Господом вдовы, мне пришли на память слова из книги Псалмов сыновей Кореевых. Они отметили святую закономерность, что человек, у которого в сердце стези направлены к Богу, проходя долиной плача, откроет в них для себя благословенные источники. Из мрачных долин он выйдет обогащенным чудным познанием верности Господней, будет переходить от силы в силу (Пс. 83, 7–8).

Эту дорогую душу Господь повел долиной плача. Повел не для

того, чтобы причинить ей боль, но для того, чтобы открыться в величии Своей любви!

Бог жаждет для чад Своих быть все во всем. Жаждет излить на нас милости Свой без числа, но мы сами не идем к Нему. Мы довольствуемся жалкими крохами холодного людского утешения, а от скрытых источников всеобъемлющего Божьего благословения бежим, потому что не знаем — какая скрыта в них сладость! Как жаль, что только горе или глубокое разочарование в друзьях способны снять пелену с наших глаз; что только, отчаявшись вконец, мы идем к Богу, и тогда Он открывает наши глаза. Мы начинаем видеть, что прожили всю жизнь у разбитых водоемов, а рядом, совсем рядом били и бьют святые ключи с чистой, текущей в жизнь вечную водой.

Поэтому крайне необходимы нам долины плача, чтобы там мы осознали, что не возлюбили еще Господа более всего в этом мире, что Он не был для нас единственной опорой и отрадой в жизни.

И только, когда Бог из любви к нам вводит нас в мрак страданий и разлук, нам становятся понятны и дороги слова великих страдальцев, которые говорили: «При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою» (Пс. 93, 19), и мы способны повторить: «Вот, во благо мне была сильная горечь!»

Слава Богу, что утешения Господни усладили душу этой дорогой вдовы. Да ниспошет ей Господь милость быть способной теперь утешать других, находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешил ее сполна (2 Кор. 1, 3–4).

«СВОИ НЕ ПРИНЯЛИ»

Молодежи в наших краях немного, а желание исполнить повеление Христа о проповеди Евангелия, очень большое. По примеру Апостола Павла мы стараемся не строить на чужом основании. Чтобы не хвалиться готовым в чужом уделе (2 Кор. 10, 16; Рим. 15, 20—21), мы посещаем те места, где нет общин и где Слово Господне не возвещается.

В декабре 1979 года группа молодых братьев и сестер предварительно собралась для молитвы, чтобы Господь благословил наше усердие и предстоящую поездку в одну из деревень. Такие как есть, простые и неопытные, мы с радостью отдались в руки Божьи и просили Его употребить нас в Его святом деле.

По дороге на место, в поезде, мы пели, беседовали. Нас внимательно слушали. Интересовались куда едем. Мы ответили, что едем провести евангельское собрание, и назвали место. Оказалось, что в нашем вагоне ехали жители тех мест.

— Можно нам послушать? — поинтересовались они.

— Конечно можно! — радуясь, пригласили мы их на воскресное богослужение.

В деревне, куда мы направились, жили десять верующих старушек. В дом одной из них мы и постучали в поздний зимний вечер. Нам открыла вприпрыжку сестра. Через порог мы объяснили кто мы и для чего приехали.

— У нас нет места... И собрания ваши не нужны...

Недоуменно переглядываясь, мы молча слушали неприветливые слова хозяйки, тщетно пытаюсь понять суть сказанного.

— Из-за вас не дадут собираться, — пояснила она, прерывая молчание.

На улице было темно, холодно, выжило. Мы не знали о чем говорить и продолжали стоять. Кто-то тихо зашел: «В двери закрытые поздней порой кто-то стучит...» Пение дружно подхватили все: «Это Спаситель у двери стоит...», и в этот момент перед нами захлопнулась дверь. Уверенной рукой хозяйка набросила крючок и торопливо щелкнула выключателем. В полной темноте, на холоде, мы допели очень созвучный нашим переживаниям гимн. Нам казалось, что свет погас не в холодных сенях, а в душах таких, как эта женщина. И от этого сознания нам стало еще холодней.

Мы благодарили Господа за такой неожиданный прием. В эти минуты нам особенно понятны стали слова Христа: «Пришел к своим, и свои... не приняли» (Иоан. 1, 11). Вот так же холодно и безразлично закрывались двери сердец и домов перед нашим Спасителем в дни Его земной жизни.

У Него, знающего как помочь детям Своим, попавшим в подобные затруднения, мы просили совета и помощи. И Он помог. После молитвы один из братьев вспомнил, что в соседней деревне живут его неве-

рующие родственники, и мы отправились в путь.

В дороге мы отогрелись, повеселели, хотя и понимали, что у неверующих родственников нас и вовсе никто не ждет и не знает. Разыскали нужный дом. Брат постучал. Увидев его, родственница обрадовалась и сразу же пригласила войти.

— Я не один, — смущаясь, сказал брат, — со мной друзья, человек двенадцать...

— Где же они? Зови их! Проходите, — звала нас хозяйка. — Всем места хватит! Неужели вы в такую пору куда-то пойдете? Буран ведь, холодно!

Радостные, в душе благодаря Бога, мы вошли в теплую комнату. Наша добрая хозяйка, лет шестидесяти, быстро приготовила ужин, накрыла стол. Мы удивлялись ее быстроте. До поздней ночи в этом доме мы пели, беседовали, молились. Сестры остались ночевать на месте, а братьев хозяйка устроила у своей родственницы.

Господь чудно позаботился о нас в ту ночь. Но нам хотелось провести собрание, ради которого приехали сюда. Утром нам посоветовали обратиться к влиятельному человеку, члену партии. Он выслушал нас и спокойно сказал: «Можно провести собрание в моем доме!» Этого-то мы никак не ожидали и даже не могли предположить, но пути Господни неисповедимы!

— А слушателей можно пригласить? — поинтересовались мы, все еще не веря своим ушам.

— Можно! — ответил он.

Мы побежали звать желающих послушать Слово Господне, и вскоре изба была полна.

В десять часов утра началось собрание. Слушателям предложили сесть на имевшиеся в доме скамьи и табуретки. Все отказались и слушали стоя. Мы впервые пропове-

вали о любви Христовой жителям этой деревни. Мы говорили им, что Бог любит каждого из них и желает спасти их бессмертные души. Рассказывали стихотворения, пели призывные гимны. Когда в заключение пригласили к молитве, только двое из присутствующих остались стоять, остальные вместе с нами, возможно, впервые в жизни, склонились на колени. И хотя в этот день никто не покаялся, мы все же радовались, что слово спасения прозвучало для этих душ во свидетельство, и молимся, чтобы оно в свое время возшло в их сердцах и принесло плод. Жители любезно приглашали нас приезжать к ним еще.

Возвращаясь домой, мы прославляли Господа за чудную возможность, которую Он предоставил нам в этой местности. В поезде мы снова свидетельствовали людям о Боге, многие удивлялись, что в наше время в атеистической стране есть молодежь, которая искренне любит и верит Богу.

Все это время рука Божья была над нами, мы чувствовали ее над собой. Здесь же, в пути, мы вспоминали наше дорогое гонимое братство, служителей Совета церквей, которых за дело святости церкви, за дело благовестия лишают свободы, а некоторых и жизни.

— Готовы ли мы за дело проповеди Евангелия идти таким же путем страданий? — спросил брат участников этой поездки.

Никто не ответил тогда поспешным: да! Но в душе многие признавали, что проповедь Евангелия и страдания — неотделимы одно от другого. Мир не преследует молчаливых христиан. Кто проповедует Слово Господне, будет переносить скорби (2 Тим. 4, 5). И мы их переносим уже: брат, участник этой поездки, сегодня находится в местах лишения свободы.

Счастливые минуты свидания

За тысячи километров — из Эстонии до Магадана — отправился сын Дмитрия Васильевича МИНЯКОВА — Володя Миняков с женой и двухлетним сыном на свидание с отцом, отбывающим 5-летний срок заключения за верное служение Богу. Вот что он рассказал по возвращении.

29 сентября мы прилетели в Магадан. В четверг, 30 сентября, с утра приехали в лагерь. Дежурный прапорщик сказал нам, что общее свидание дают только по воскресеньям с 10 до 14 часов. Мы стали просить, говорим: «Попросите начальство, ведь мы приехали издалека, да еще с ребенком». Он ответил, что просить некого и что он сам здесь начальник. «Ну вот,— говорим,— и хорошо, тогда мы вас просим». Он смотрел на нас с нескрываемым любопытством и все удивлялся, как это мы решились приехать в такую даль. Потом сказал: «Приходите к четырем часам».

Приходим к четырем, а там другой прапорщик, говорит: «Ничего не знаю, приходите в воскресенье. Сели мы в проходной и ждем. Смотрим, открывается дверь и заходит «наш» прапорщик. «Ну вот,— говорим,— и пришел "наш" начальник». Он довольно заулыбался и сказал, что сейчас даст свидание. И действительно, минут через 10 выходит и зовет нас. Оставив сумку на проходной, идем за ним. Трудно сдерживать волнение, сердце забилось часто, в ногах дрожь. Неужели Бог еще дает эти дорогие минуты встречи с любимым человеком?!

Заходим в комнату, которая перегородена стеклом, а с обеих сторон

этой стеклянной стенки — кабины с телефонами. Папа уже стоял по ту сторону стекла, худой, постаревший, в старой телогрейке и без шапки. Мы подбежали к стеклу, прильнули к нему, и я подумал: о, если бы это была решетка, мы смогли бы поцеловаться, пожать руки, но между нами — стекло. Ради этой встречи мы проделали более 10 000 км, и вот теперь эти коварные, непреодолимые 3 мм!

Папа взял трубку и начал громко молиться. Вся его молитва была одно благодарение. Прапорщик сел в конце, включил динамик, и все, что мы говорили по телефону, раздавалось на всю комнату. Несколько минут не могли никак собраться с мыслями ни мы, ни папа. От волнения он сразу вспотел. Ну а потом посыпались расспросы. Мы хорошо сознавали, что наш разговор не только прослушивается, но и записывается, да, возможно, и телекамера была установлена, но разве нам нужны были слова или жесты, чтобы понять друг друга?! Я сам удивлялся, как хорошо мы понимали один другого.

Вначале мы попросили папу рассказать о себе, и он начал рассказывать.

В лагерную больницу в Сусуман его отправили, чтобы прооперировать (удалить грыжу). И вот

700 км его везли на машине. Там-то ему и стало плохо. Когда привезли в больницу, у него начались сильные приступы астмы. Начался приступ неожиданно. Папа падал и сишел — не хватало воздуха. И такое тяжелое состояние продолжалось иногда несколько суток. Папа говорил: «В момент приступа было одно желание — умереть». Сделали более трехсот уколов, но приступы продолжались. Врачи прямо говорили, что впервые видят такие сильные приступы астмы и не скрывали, что жить ему осталось считанные дни — до следующего приступа: если он повторится, то будет последним.

Утром открывают дверь, где лежит он, и спрашивают: «Миняков, живой?». Дают таблетки, делают уколы, а астма наступает. Лежал он в «палате» для тяжелобольных, кто находился в безнадежном состоянии, и его считали таким же. Потом приехала одна врач — майор. Сказала, что есть одно средство: ингалятор «Спихалер» с капсулами «Интал», и если уж оно не поможет, то пиши родным прощальное письмо. И добавила, что это лекарство дорогое, да и достать его очень трудно, но у нее дома есть одна коробка (30 капсул). Она принесла лекарство, а приступ не заставил себя ждать. И вот попробовали одну капсулу, две, три, четыре... и только после седьмой стало легче.

Вначале врач отнеслась к папе очень хорошо, но вскоре совершенно изменилась и даже после сильного приступа, в тяжелом состоянии выписала из больницы, сказав, что никакой астмы у него нет. Он просил, чтобы его прооперировали (для чего его и направляли в лагерную больницу), но они отказались. С трудом он выпросил оставшиеся капсулы «Интала» с собой на дорогу. И опять пришлось ему проделать 700 км на грузовике в обратный путь.

Когда приехал в лагерь, заключенные не узнали его, удивлялись, как он еще двигается. Зачислили его в отряд, где одни инвалиды: хромые, без руки, без ноги, слепые и т. д. Сильно он сожалел, что поехал в Сусуман, т. к. оставил там последнее здоровье.

Рассказывал, что ему делали уколы не такие, как всем (антибиотики, витамины и т. д.). Например, однажды сделали укол, и папа сразу весь обмяк, с сердцем тут же стало плохо, и целую неделю он не мог лечь ни на живот, ни на бок — сразу терял сознание. Лежать на спине было легче, но тогда возникала такая колющая боль в сердце, будто в него вонзили нож.

Сейчас папа не работает, совсем нет сил. Говорит, что как-то разгрузили в лагере машину и ему сказали помочь. Он взялся что-то приподнять — и потерял сознание, упал, его унесли на носилках.

Ну а духом он очень бодр, все время улыбается. Говорит: «Я всем здесь говорю о Боге, что Он их любит, что умер за них. Здесь нет никого, кто не слышал бы о Боге. И вот уже несколько человек вызывали как свидетелей. Ведут на меня еще одно дело за пропаганду и агитацию, хотят добавить срок».

Потом в комнату свиданий зашли еще несколько офицеров, зам. начальника лагеря, оперуполномоченный и другие. Стояли и слушали до конца наш разговор.

Папа в конце попросил, чтобы разрешили хоть внука поцеловать, ведь он его впервые видел, но не разрешили.

Он спрашивал обо всех и всем передавал горячий привет.

И вот объявили, что свидание закончено. Мы «попрощались» и пошли. В коридоре, возле «дежурки», стояло человек шесть офицеров.

Оперуполномоченный предложил мне сесть и начал задавать вопросы. Сначала спрашивал, зачем мы шлем столько телеграмм. Я ответил, что это ведь наш отец, он у нас один, и мы его сильно любим и очень беспокоимся о нем. И еще сказал, что мы примерно знаем, когда нам должны приходиться письма от папы, и если вовремя нет письма, тогда на лагерь отбиваем телеграмму; если нет ответа, — то на Магадан, в управление лагерей, потом в Москву в управление и т. д. Я спросил, почему же ему не все письма отдают и предупредил, что будем писать и жаловаться на это.

Так мы разговаривали минут пять, а моя жена с сынишкой стояли рядом. И в этот момент мимо проводили папу! Он увидел нас, схватил малыша, несколько раз поцеловал его, потом

Таню, а я уже не успел, его увели...

Стоявшие офицеры очень удивлялись тому, что ради отца мы проделали такой далекий путь, предлагали сразу взять и личное свидание, но мы сказали, что у нас очередь, и в следующий раз придут другие дети. Один говорит: «Видно, крепко вы любите своего отца». А другой: «Ну вы и даете, такую даль приехать, да еще с ребенком!» А один вообще назвал нас сумасшедшими.

Постояв еще у лагеря, мы направились в обратный путь. Отошли немного и прямо плачем от радости, благодарим Бога за эти незабываемые минуты свидания с любимым отцом. Будут ли у нас еще встречи здесь, на земле, — знает один только Бог! Одно важно — верность Ему сохранить до конца!

Д. В. МИНЯКОВ в лагере пос. Уптар, Магаданской обл.

ПАМЯТИ Николая Петровича ХРАПОВА

«...Кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» Мрк. 8, 35

Возлюбленные братья и сестры! Вряд ли чье сердце не опечалилось вестью о том, что 6 ноября 1982 г., на 69 году жизни, в столь необычных условиях, отошел в вечность член Совета церкви ЕХБ — Николай Петрович ХРАПОВ.

Бог благоволил взять его к Себе с узнического овра, как из горнила страдания. Его смерть в лагере Мангышлака стала еще одним ярким свидетельством верности делу Христа, за которое он так много перенес гонений.

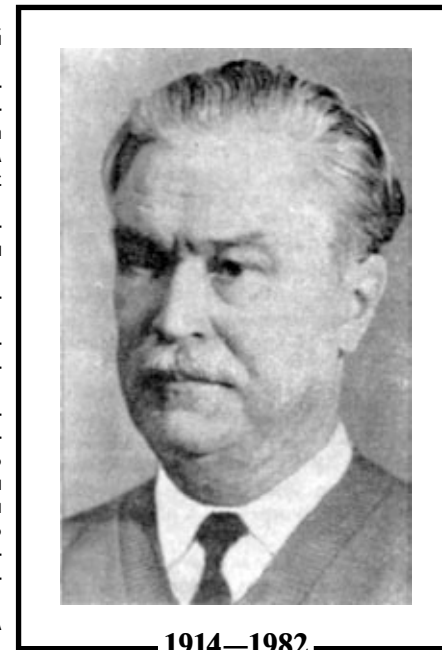
Будучи совершенно неповинным перед законом, Николай Петрович провел почти 30 лет в лишениях и неволе за то, что проповедовал истину Божью и стремился жить по учению Иисуса Христа. Такой срок явился для него, по существу, смертным приговором, растянутым на десятилетия.

Не всем братьям и сестрам пришлось встречаться с Николаем Петровичем лицом к лицу, поскольку годы его заточения были настолько впессованы в жизнь, что мало оставляли времени для труда на свободе. Но он хорошо известен всему нашему братству литературными произведениями и особенно своими биографическими книгами: «Счастье потерянной жизни». А книгам этим было из чего взяться!

«Лютая буря»... Она не смолкала в его жизни. Била в лицо снежной метелью Колымы, песчаной вьюгой Бухары и Мангышлака. В грозный час жизни, в изнеможении, кажется, можно было и не устоять, повернуть назад, отказаться от прямого пути. — Бог давал сил выстоять.

Но так был уплотнен во времени гнет, так непрерывен вой лютой бури, что и при всей решительной покорности Богу из его истомленной груди иногда вырывался стон: «Хватит, уй-

мишь хоть на долю минут!..» Но благодарение Богу, каждый такой вздох, по

примеру Небесного Учителя, Николай Петрович заканчивал молением: «Господи! Не моя воля, но Твоя да будет!»

Много пришлось пережить Николаю Петровичу: утрату отца, жизнь которого оборвалась вдали от семьи, в заключении; голод, нужду, узы, чередующиеся короткими передышками на свободе.

И вот последний, пятый арест — 3 марта 1980 года. Этого удара не вынесла жена Николая Петровича — Елизавета

та Андреевна, перенесшая с ним много лишений,— и отошла в вечность спустя полтора месяца после ареста мужа.

Для Николая Петровича утрата жены легла дополнительным бременем. Ноша, пронесенная через десятки лет, стала давить непомерным грузом. Бывает, что в конце пути, когда уже так много пережито, даже маленькая капля может оказаться тяжелей того бремени, которое в первые годы следования за Господом переносится бодро и с радостью. И если духовные силы, укрепленные Господом, не покидали Николая Петровича и он с упованием на Бога переносил все посылаемое Им, то физические — таяли с каждым днем.

Оставшимся без матери детям так необходимы были свидания с отцом! Да и для Николая Петровича встреча с ними стала единственной возможностью узнать что-либо о семье, о церкви. Но приехавшим в лагерь к нему дочерям — свидания не дали, и, как оказалось впоследствии, всего за несколько часов до его кончины. Едва вернувшись домой после тщетных попыток добиться свидания, дети получили телеграмму из лагеря: «Ваш отец Храпов Николай Петрович скончался 6 ноября».

Гроб с телом позволили доставить домой. Официальная справка предписывала: «Захоронение производить без вскрытия гроба». В ней же о причине смерти сказано: «Хроническая сердечно-сосудистая недостаточность». А что за этим — знает один Бог.

Похороны Николая Петровича состоялись в Ташкенте при многолюдном стечении родных и друзей из разных городов страны и под наблюдением многочисленных сотрудников в штатском и милиции.

Проводить в последний путь дорогого брата не смогли многие его соратники — члены Совета церковей,— потому что почти весь состав Совета находился, да и поныне находится в узак.

Каковы же были взгляды Николая Петровича? К чему он звал народ Божий, молодежь? Просто ли радоваться, петь, устраивать пышные торжества, стоя вдаль от тревожных испытаний, выпавших на долю соблюдающих заповеди Божьи? Последовав призыву своего Спасителя, он

и других звал не к бездейственному обрядовому доверию, а к деятельной отдаче самих себя на служение Богу, а если нужно — и на страдания, в победу над грехом, во славу Христову! Об этом говорят его стихи:

«Вперед, не робея, на смену идите
Усталым борцам!

Не страшитесь креста!..»

Он знал, что предлагаемый путь жизни в условиях атеистического абсолютизма — это путь крестных страданий, свободу от которых можно обрести только ценой практического отречения от Иисуса Христа.

Он звал не к той, чисто эмоциональной любви, которая не хочет терпеть издержек благочестия (2 Тим. 3, 12), но к любви, влекущей к сораспятию со Христом, к состраданию страждущим, к радостной жертвенности. Где подлинная любовь ко Христу — там и крест; Эта истина, исходящая из самой сути Евангелия, была осознана им в многолетнем опыте жизни. Вспомним слова Николая Петровича:

«Без креста невозможно
обнять Христа,
Без креста невозможно
понять Христа».

В памяти нашей этот воин Божий останется таким, каким мы знали его по долгим годам подвергнутой испытаниям жизни. При всех жизненных невгодах Николай Петрович всегда желал оставаться в надежных руках Спасителя и на склоне лет вручал Ему свою жизнь так же, как и в молодые годы. Он «потерял» ради Господа свою душу, щедро расточил ее, посвятив все свои силы делу проповеди Евангелия, потому и сберег ее для Царства Небесного.

Теперь для Николая Петровича тюрьма — позади, гонения — позади, искушения — позади! Кончилась власть притеснений и лишений. Нет нужды в ожидании коротких свиданий. Для дорогого брата в небесах теперь открыто вечное свидание и с отцом, и с любящей женой, да и со всеми святыми, которые уже перешли к тем берегам. А главное, он узрит Того, Кто пролил за него Свою Свою Кровь и Кому он так преданно старался служить (2 Тим. 2, 12).

Автобиография Н. П. ХРАПОВА

Родители мои выходцы из православия, но впоследствии, уверовав, отец принял крещение в братстве баптистов г. Москвы в 1921 году. Почти одновременно с ним обратилась к Господу и моя мать и присоединилась к Коломенской общине, которая была основана в 1922 году. В ней отец нес служение благовестника.

Я родился 17 марта 1914 года в г. Коломне Московской губернии, и мое духовное воспитание проходило в баптистской семье и в общине баптистов. Первое мое осознанное раскаяние пред Господом было в девятилетнем возрасте, ночью.

За распространение евангельского учения отец (а вместе с ним и вся семья) перенес много страданий. Без суда, по особому совещанию НКВД, он был сослан на Север в распоряжение Управления Соловецких лагерей особого назначения (УСЛОН), а в 1937 году после 8-летних общих лишений, находясь на нелегальном положении, был арестован вновь и, едва достигнув 50-ти лет, отошел в вечность, так и не увидев свободы. Один Бог только знает последний час его на земле и могилу, где он похоронен.

Еще в 1929 году, когда отец был сослан, я 15-летним мальчиком вынужден был оставить разоренное родительское гнездо и искать средств к существованию.

Находясь в разлуке с семьей и церковью, я из религиозного подростка превратился в юношу безбожника, но встреча с отцом и другими изгнанниками-христианами произвела на меня потрясающее впечатление. В конце января 1935 г. я глубоко раскаялся пред Господом и получил прощение от Него. В моем сердце загорелось желание свидетельствовать другим об имени Божьем. Мне было тогда 20 лет.

К тому времени, работая на машиностроительном заводе в г. Коломне в числе инженерно-технических работников, я в вечернее время занимался на третьем курсе подготовительного рабочего факультета при Московском Государственном университете. Но Бог решил иначе! 10 февраля 1935 года органами НКВД я был арестован. Единственная моя «вина» состояла в том, что две недели назад я покаялся пред Господом и не скрывал этого пред людьми. По постановлению НКВД Московской области я был лишен свободы сроком на 5 лет и отправлен на Крайний Север. Много ужасов пришлось пережить за это время, но и в тех условиях Господь давал сил свидетельствовать о Христе, приобретая души для Него.

По истечении 5-летнего срока в 1940 г. я был закреплен на жительство там же, на Крайнем Севере, «до особого распоряжения». Это «особое распоряжение» продлилось еще более 7-ми лет. Однако Бог был со мной в эти суровые годы и явил много Своих милостей. Там, спустя 10 лет после моего покаяния, в ноябре 1945 года в ясный морозный день я вступил в завет с Господом в ледяных водах реки Дегрин (приток Колымы).

По персональному ходатайству местной администрации мне было разрешено выехать в центральные районы страны, чтобы жениться и привезти жену на место моего закрепления. Разделить мои скитания на Крайнем Севере отозвалась девушка-христианка с крайнего юга страны — Елизавета Андреевна, дочь пресвитера церкви. 3 марта 1946 г. в городе Ташкенте состоялось наше бракосочетание.

Бог благословил наше совместное пребывание на Севере. За короткое время там образовалась группа, человек около 10-ти, из обращенных к Господу душ.

В 1947 г. нам было разрешено покинуть Крайний Север и мы переехали на жительство в Ташкент, предоставив группу оставшихся возрожденных христиан благодати Божьей.

Переселившись в Ташкент и ближе познакомившись с жизнью общин, я увидел в каком печальном состоянии находилось братство евангельских христиан-баптистов. Кажущаяся относительная свобода вероисповедания таила в себе скрытые греховные обстоятельства, и сердце сжималось от боли при виде тех отступлений, которые внедрялись по общинам работниками ВСЕХБ и как яд распространялись повсеместно. Среди служителей Ташкентской общины, которые руководствовались в своем служении указаниями атеистов и допускали одно отступление от истины за другим, я не нашел себе единомышленников и, не желая идти на компромисс с совестью, не мог присоединиться к официально действующей общине. Вместе со всем домом своим я посвятил себя делу благовестия, и Господь благословлял наш труд. Вскоре в кругу друзей, свободных от отступлений, я был рукоположен старцем А. И. Чекашкиным на дело благовестия и с помощью Господа совершал его около 3-х лет.

И вот новое испытание. Меня и еще одного брата и сестру в октябре 1950 г. арестовали и осудили на 25 лет с последующим лишением права голосования на 5 лет. Не имея никаких причин для ареста, органы МГБ возвели на нас вымышленные обвинения в антисоветской пропаганде. Казалось, что это незаслуженное обвинение и сам срок — 25 лет — должны бы сломить наше стремление верно служить Господу. Но Бог давал мужества и силы перенести и это испытание, а сердце наполняла ободряющая вера в наше скорое освобождение.

Отбывая заключение в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, я испытал много благословений Божьих. Наша узническая церковь достигала 15—16 членов, и незабвенными останутся в памяти лица братьев, с кем приходилось разделять тяжесть уз, и те благословенные минуты, когда обращались к Господу души из заключенных. Из 25-летнего срока я пробыл в заключении только 5 лет и 6 месяцев. В апреле 1956 г.

вместе со многими братьями и сестрами я был освобожден, а осенью того же года — реабилитирован.

Летом 1957 г. по просьбам верующих и утвердившись пред Богом, я со всей семьей выехал для служения среди марийского народа (черемисы), где прожил более года, участвуя в деле евангельского пробуждения.

Осенью 1958 г. я с семьей возвратился в Ташкент. До 1961 г. совершал служение по разным городам страны, участвуя как в деле домостроительства, так и в деле пробуждения общин.

В 1961 г., 18 марта, я вновь был арестован за распространение евангельского учения. Суд извратил смысл моей религиозной деятельности и приговорил меня по политической статье к заключению в спецлагерь на 7 лет. Лагерь, в котором я находился в течение 3-х лет, расположен на территории Мордовской АССР (ст. Потьма) и содержал в себе в то время более 600 заключенных исключительно верующих людей различного вероисповедания.

По истечении 3-х лет дело мое было пересмотрено прокуратурой СССР, политические обвинения сняты и я был освобожден.

По освобождении из заключения в 1964 г. я узнал, что тысячи христиан отделились от религиозного союза ВСЕХБ и объединились под служением Оргкомитета, который вскоре был переименован в Совет церкви ЕХБ. Возвратившись в Ташкент, я без колебания присоединился к пробужденному братству, объединенному служением СЦ ЕХБ.

Ташкентская община единодушно вверила мне служение пресвитера церкви. Одновременно с этим на расширенном совещании служителей общин СЦ ЕХБ по югу Средней Азии меня избрали руководителем совета этого объединения. При Господнем содействии я совершал вверенное мне служение, но за это в 1966 г. был арестован органами КГБ в четвертый раз и осужден к 5-ти годам заключения, которые отбыл полностью.

Освободившись в 1971 г. я вновь возвратился к служению, которое нес до момента ареста, а летом 1971 г. был избран членом Совета церкви ЕХБ.

В ноябре 1972 г. по настоянию КГБ я был уволен с работы — и все мои попытки устроиться в другом месте оказались безрезультатными. По причине преследования со стороны органов КГБ я вынужден был уйти на нелегальное положение и в течение 3-х лет не мог открыто жить в семье.

Испытав в своей жизни скорби и лишения за имя Господа, в моей душе и сегодня горит одно желание: до конца дней своих всем сердцем и неуклонно следовать за Иисусом и свято и богоугодно совершать служение в Доме Божьем на том месте, на котором поставил меня Господь.

ДУХОВНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ В РОССИИ

(Из воспоминаний княгини Софьи Ливен)

Верность преследуемых

Иностранцам трудно было понять Россию. С одной стороны, сильные гонения на верующих со стороны правительства, а с другой,— по-прежнему продолжающиеся собрания в наших домах как на Большой Морской, так и в доме Пашковых на Выборгской и в некоторых других частных домах; и никто нас не тревожил. В детстве многое остается незамеченным и мало интересующимся серьезными разговорами взрослых. Мы слышали о братьях, которых сослали на Кавказ, знали от д-ра Бедекера, который их там навещал, как им там тяжело было. Мы знали также о Сибири и о сосланных на каторгу, но несколько не удивлялись той свободе, которой пользовались. В связи с этими воспоминаниями о ссыльных нужно рассказать и кое-что о графине Елене Ивановне Шуваловой, через ходатайства которой многие получили облегчение и даже свободу.

Граф Петр Шувалов был начальником 4-го отделения, т. е. состоял во главе главного жандармского управления. Жена его, Елена Ивановна Шувалова, обратилась через проповедь лорда Редстока; это была умная и чрезвычайно оригинальная личность. Она очень любила братьев и сестер во Христе и не стыдилась проявлять эту любовь пред людьми мира сего.

Кучер графини тоже был верующим. И как бы странным это сейчас ни казалось, собрания проходили в его комнате, в подвальном этаже дома начальника главного жандармского управления, хотя собрания эти были запрещены.

«Сестра графиня» пользовалась своим положением, чтобы помогать преследуемым братьям во Христе. В нужных случаях, подобно царице Есфири, она просила мужа пригласить одного из необходимых ей высокопоставленных лиц. Во время обеда она, найдя удобный случай, обра-

щала к нему с просьбой об одном или о нескольких ссыльных, об облегчении наказания или даже о полном освобождении сосланных за веру братьев. Просьбы ее часто увенчивались успехом. Без сомнения, эти высокопоставленные лица и сами понимали, что арестанты, о которых Елена Ивановна ходатайствовала, не были преступниками.

Тут я хочу передать то, что не так давно рассказал мне в Германии один уже немолодой брат во Христе, проповедник. В военное время он был арестован в Польше и послан на принудительные работы на какую-то фабрику. Его сосед по станку оказался бывшим русским губернатором. Когда последний узнал, что его товарищ говорит по-русски и что он баптист, то заговорил с ним и сказал: «Я не понимаю, почему в бытность свою губернатором я должен был арестовывать таких людей, как вы: мирных, приличных, честных, ничем не угрожавших порядку». Так часто бывает, что люди почти механически следуют духу времени, не давая себе отчета, чей это дух и кому он служит, и, к сожалению, слишком поздно понимают, какое зло они делали.

Гости графини Шуваловой настолько привыкли к тому, что она всегда о ком-либо и о чем-либо ходатайствовала, что однажды один из таких важных лиц, сидевший рядом с ней за обедом, спросил ее с улыбкой: «Ну что, графиня, скольких хотите от меня сегодня, одного или двух?»

Нам рассказали об одном интересном случае. В жаркий летний день по пыльной дороге шла, тяжело шагая, колонна арестантов под надзором охраны, направляясь в ссылку на Кавказ. Вдруг видят они сзади себя столб пыли и нагоняющую их коляску с тройкой. В коляске поднимается кто-то в форме. Оказывается, вице-губернатор той губернии. Коляска останавливается, и вице-губернатор громко называет чье-то имя. «Алексеев Савелий здесь?» — спрашивает он. «Так точно, ваше превосходительство!» — «Давай его сюда!» Арестант в недоумении

подходит к коляске и должен сесть рядом с вице-губернатором. «Пошел!»,— крикнул он, и тройка снова помчалась. Арестанты только и видели столб пыли и исчезающую коляску и снова продолжили свой скорбный путь под палящим солнцем. Оказалось, что из Петербурга пришел приказ губернатору X-ой губернии не посылать арестанта Алексеева этапом, а отправить его частным путем на Кавказ. Приказ пришел слишком поздно, партия ссыльных уже покинула губернский город, но, чтобы не ослушаться распоряжения столичного начальства, нужно было нагнать ссыльного и доставить его на ближайшую железнодорожную станцию. Как впоследствии выяснилось, приказ был результатом просьбы графини Елены Ивановны Шуваловой.

Этот «преступник за веру», пробыл много лет на Кавказе, работал там в аулах сапожником и таким образом добывал себе средства для существования. Его верная жена вместе с дочкой последовала добровольно за ним в ссылку. Сына она оставила в Петербурге, и он воспитывался в доме Веры Федоровны Гагариной. Спустя много лет Савелий Алексеевич Алексеев вернулся со своей семьей в Петербург и впоследствии был избран там пресвитером Второй евангельской общины. Это служение он нес до самой смерти. Дочь и сын его тоже были верными чадами Божьими.

До 1905 года вся жизнь общин верующих христиан протекла под неусыпным правительственным надзором и подвергалась всевозможным ограничениям. Так, например, брак, заключенный в евангельской общине, не признавался законным, а рассматривался как простая связь со всеми вытекающими отсюда последствиями. В то время гражданский брак еще не был введен, так что положение молодых было чрезвычайно неприятным и в глазах мира просто постыдным. Они все же с мужеством и верностью переносили этот «позор».

Печатание песенников долгое время не разрешалось; число же духовных песен все увеличивалось. Находились верные друзья, которые брались писать их от руки в большом количестве экземпляров; пишущих машин тогда еще не было. В продолжение многих лет мы пользовались такими рукописными сборниками и вполне при-

выкли к такому примитивному изданию.

Число гимнов росло с каждым днем, часть из них были переводами, часть — произведением русских верующих. Одним из них был мой брат, написавший несколько гимнов на русском языке, к которым моя сестра написала музыку. Все эти гимны впоследствии попали в печатные сборники. Позднее Иван Степанович Проханов, много потрудившийся на ниве Божьей как переводами, так и личными произведениями, увеличил число этих гимнов. Все эти гимны образовали один сборник — «Гусли» — и ряд других, известных верующим, сборников песнопений. Один из наиболее распространенных гимнов, особенно любимый Иваном Степановичем Прохановым, «Радость, радость непрестанно...» перевела с немецкого моя старшая сестра, будучи еще подростком. Однажды, возвращаясь из заграничного путешествия и находясь проездом в Берлине, мать наша пошла с нами в одно немецкое собрание, где после его окончания состоялась воскресная школа для детей. Там мы впервые услышали полную радости песню: «Радость, радость непрестанно», и моя сестра сразу же решила перевести ее на русский язык для детей нашей петербургской воскресной школы.

Наша воспитательница Наталия Владимировна Классовская уже давно начала эту школу. В одном только нашем доме было достаточно питомцев для такой школы. Теперь кажется странным, что в нашем доме, считая нас и всех служащих с их семьями, было около 50 душ. У дворецкого было семь детей, у одного из слуг двое, у дворника шестеро и у швейцара пятеро. В Гагаринском доме было пять детей, и кроме того приходили еще со стороны, так что в общем набиралось до 30-ти детей. Мои две сестры и я участвовали в этой работе. Помню, когда мне было около 9 лет, я уже вела класс девочек.

Мне не всегда удавалось ясно объяснить моим слушательницам свою мысль. До сих пор помню, как, готовясь как-то ко дню Рождества, я учила их песни: «Вести ангельской внемли». Слово «весть» им было непонятно. Я постаралась привести пример и сказала: «Вот если бы я вам сказала, что сейчас пройдут солдаты с музыкой (мимо нашего дома часто проходил военный оркестр и, подходя к памятнику Николая I,

Продолжение. Начало см. с №3, 1980 г.

недалеко от нас, начинал играть; дети со всей улицы при этом событии сбегались и следовали за оркестром) — и это было бы то, что называется «вестью». Ну, а теперь скажите: что значит слово «весть»? На это я получила дружный ответ: «Это значит, что солдаты проходят». Надеюсь, впоследствии я умела лучше объяснить детям значение слов.

Моя вторая сестра руководила классом мальчиков. Они сидели перед ней на ступенях укромной, но светлой лестницы (так как комнат было мало, а занимающихся много, то они размещались где и как могли). Среди учеников сестры был маленький белокурый мальчик Коля. Впоследствии он стал благословенным проповедником — Николаем Ивановичем Пейсти. Работу свою на ниве Господней он начал, кажется, в Эстонии, в Финляндии, потом в центральных губерниях России, затем в Маньчжурии и, наконец, в Америке, где руководил целой миссией. Там же, несколько лет спустя после второй мировой войны, Николай Иванович Пейсти отошел к Господу. За несколько месяцев до своей смерти он навестил нас в Париже, где имел ряд благословенных собраний. Во время этого приезда он навестил дочерей В. А. Пашкова, и я также имела радость быть при этой встрече и вспоминать далекое прошлое.

Возвращаюсь снова лет на 50 назад! Проходили годы, и с ростом движения появлялись новые силы, новые работники на ниве Божьей. Некоторые из них были из интеллигентных кругов, но и простые наши братья возрастали в вере и познании Господа и Слова Божья и могли уже самостоятельно руководить духовной работой. Такими из них были Александр Иванович Иванов и Николай Иванович Долгополов, оба — пресвитеры. Они усердно и верно трудились и заботились о стаде Христовом, порученном им Господом.

Очень любили мы, когда на воскресном утреннем собрании появлялся Павел Николаевич Николаи. Его слово всегда было коротким, ясным, очень содержательным и оставляло глубокий след в сердце и в памяти. Его друг, Александр Михайлович Максимовский, служивший при Государственном Совете, тоже иногда служил словом на этих собраниях. Своей жизнью,

посещениями отдельных лиц и духовными беседами с ними он являлся ценным свидетелем Господним.

Когда в эти годы Иван Вениаминович Каргель вернулся из Финляндии, он с женой и четырьмя дочерьми поселился у нас в доме. В нижнем этаже нашлась для них подходящая квартира. Хотя он и поселился в Петербурге, все же часто отсутствовал. Не раз сопровождал он уже пожилого брата д-ра Бедекера в его путешествиях до самой Сибири.

Д-р Бедекер посещал тюрьмы как Европейской, так и Восточной части России, и доезжал даже до Сахалина. Он раздавал Евангелия, Новые Заветы, дозволенные цензурой духовные брошюры и вел с заключенными беседы о любви Божьей, о грехе, о покаянии и прощении. Брат Каргель переводил эти беседы с английского на русский.

Д-р Бедекер умел подходить к русскому начальству и приобрел доверие правительства. Ему, как ни странно, не ставили никаких препятствий. Средства на поездки д-ра Бедекера давались нашими верующими, некоторые из которых были довольно состоятельными и давали щедро, без каких-либо ограничений и требований. Божья рука была над верным Его служителем, и Бог благословлял его. Будучи еще ребенком, я не раз, когда у нас по утрам читалось Слово Божье, сживала у него на коленях и всматривалась в его длинную, всегда чистую бороду, в которой пряталась тонкая нитка его пенсне. Он дарил нам, детям, хорошенькие картинки со словами из Библии, и мы их любили получать. Его любимое слово, которое он часто произносил по-русски, было: «Бог есть любовь». Этими словами он почти всегда приветствовал собрание.

Когда Иван Вениаминович Каргель возвращался из таких путешествий, многие приходили его слушать, и эти собрания были переполнены. Но были и небольшие вечерние собрания, на которых он наставлял братьев, а иногда совещался с ними. Помимо этих собраний, Иван Вениаминович в своих приездах в Петербург принимал участие в деловой работе общины, помогая братьям советом и опытом.

(Продолжение следует)

Стихи, стихи, стихи

ПОДСНЕЖНИКИ

Как подснежники в дни весенние
На согретых лесных проталинах,
Озаренные светом спасения,
К христианской жизни восстали вы.

От безнравственности и растления,
От бессилья греху противиться —
Вы воскресли, и по-весеннему
Бьются ваши сердца счастливые.

Но еще за плечами вашими
Будет мир бушевать разгневанно.
Будет планы о вас вынашивать,
Чтобы песнь о Христе была прервана.

Миражи отдаленных радостей,
Низкопробные удовольствия,
И улыбок доступных радуга,
И безбедная жизнь с удобствами,—

Это все будет вам предложено
Не из добрых, конечно, склонностей,
Но чтоб грустью, тоскою ложною
Затуманить глаза спасенного.

Заманить. Увести, как пленника,
Снова в прошлое, к непокорности,
Обескрылить веру сомнением,
Напоить грехами и гордостью.

И навек разлучить с Учителем,
С Тем, Кто жизнь дает и прозрение,
Обесценить подвиг Спасителя
И Его святое учение.

Голиафом неверье высится,
Порождая собой растение,

Сохраните же независимость
От дурного влияния времени.

Сквозь века, слезами залитые,
Проходите чистыми, свежими,
Чтоб душа в небесной обители
Расцвела неземным подснежником.

ПОДАРОК

Юности моей цветы в расцвете,
Утро жизни...

Я в росе свечусь!
Солнце греет или воеет ветер —
В душу бьет прибой небесных чувств.

Любящим Отцом зову я Бога,
Ибо дело рук Его — краса,
Чтобы в вечность мне открыть дорогу,—
Божий Сын покинул небеса.

Вифлеем, Иерусалим, Голгофа —
Тропы побеждающей любви...
Воскресением сброшены оковы.
Всемогущий мощь Свою явил.

Имя Господа должно воспеться,
Подвигом Страдальца дорожу
И в букет Спасителю, от сердца,
Лучшие цветы я положу.

Не страшусь, что горизонт чернеет:
В небе манит множество огней...
Я подарок понесу смелее,
Чтоб отдать Христу в святой Стране.

МОСКВА

**Отпечатано в типографии издательства «Христианин».
Распространяется безвозмездно.**